

Научный электронный журнал «Сфера науки»

2026. Том 1. №3.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №3
Март 2026 г.

Краснодар, 2026

Содержание

Гражданское право	4
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ВСЛЕДСТВИЕ НЕДОСТАТКОВ ЦИФРОВОГО ПРОДУКТА	4
Чайковская Арина Артёмовна Грищенко Максим Антонович	
Гражданско-процессуальное право	12
К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ АПЕЛЛЯЦИОННЫХ И КАССАЦИОННЫХ СУДОВ	12
Душко Мария Александровна Кирсанова Анастасия Николаевна	
Жилищное право	24
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 214-ФЗ	24
Арбузова Софья Анатольевна	
Уголовное право	37
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	37
Курносова Полина Ивановна	
Уголовно-процессуальное право	47
ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН ПО ДЕЛАМ ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ	47
Богачева Милана Юрьевна Яковлева София Александровна	
ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	56
Горюшенков Константин Иванович	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ВИДЕОФИКСАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И США	65
Липатова Милена Витальевна Сорокина Дарья Андреевна	

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ

73

Сорокина Дарья Андреевна

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.51

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ВСЛЕДСТВИЕ
НЕДОСТАТКОВ ЦИФРОВОГО ПРОДУКТА**

Чайковская Арина Артёмовна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

arishka281108@mail.ru

Грищенко Максим Антонович,

студент 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

gmaxai@bk.ru

Научный руководитель:

Самсонов Владимир Владиславович,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

vvs.sar@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу правового регулирования ответственности за вред, причинённый недостатками цифровых продуктов, с акцентом на утечки персональных данных. Рассматривается эволюция законодательства, значительно ужесточившая административную

ответственность за утечку данных. Предлагаются меры по совершенствованию системы ответственности за совершение подобных правонарушений.

Ключевые слова: законодательство, защита прав потребителей, кибербезопасность, ответственность, утечка персональных данных, цифровой продукт.

LIABILITY FOR DAMAGES CAUSED BY DEFECTS IN THE DIGITAL PRODUCT

Chaykovskaya Arina Artyomovna,

3rd year student

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

arishka281108@mail.ru

Grishchenko Maxim Antonovich,

3rd year student

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

gmaxai@bk.ru

Scientific advisor:

Samsonov Vladimir Vladislavovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

vvs.sar@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of legal regulation of liability for harm caused by the shortcomings of digital products, with a focus on personal data leaks. The evolution of legislation is considered, which has significantly tightened

administrative liability for data leaks. Measures are proposed to improve the system of liability for committing such offenses.

Keywords: legislation, consumer protection, cybersecurity, responsibility, personal data leakage, digital product.

Цифровая трансформация экономики привела к массовому распространению цифровых продуктов, которые стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Наряду с преимуществами «цифры», невозможно не отметить возникновение новых правовых рисков, связанных с недостатками современных платформ и приложений, которые могут причинить существенный вред пользователям. Особую актуальность сегодня приобретают вопросы ответственности за утечки персональных данных, возникающие вследствие уязвимостей в программном обеспечении и информационных системах.

В соответствии с Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства №6 «О Единых правилах в области защиты прав потребителей», цифровой продукт определяется как объект гражданских прав, зафиксированный с помощью цифровых технологий и преобразованный в цифровой формат. К цифровым продуктам относятся программы для ЭВМ, фонограммы, аудиовизуальные произведения, мультимедийные продукты и иные результаты интеллектуальной деятельности, предназначенные для реализации потребителям (использования за плату) [2].

Правовое регулирование ответственности за вред, причинённый недостатками цифровых продуктов, осуществляется в рамках нескольких нормативных актов. Основополагающим значением обладают положения Гражданского кодекса РФ, в частности ст. 1079, 1095-1097, устанавливающие общие принципы ответственности за вред, причинённый источником повышенной опасности и недостатками товаров, работ или услуг [1]. Следует подчеркнуть, что вопрос о том, можно ли отнести цифровые продукты к источникам повышенной опасности в смысле ст. 1079 ГК РФ остаётся

дискуссионным. Так, с одной стороны, цифровые продукты могут создавать очень высокие риски причинения вреда, а с другой – «обычная» трактовка этого понятия отнюдь не всегда применима к цифровой среде.

Статья 44 ранее упомянутых Единых правил в области защиты прав потребителей конкретизирует права потребителей при обнаружении недостатков в цифровом продукте. В соответствии с этими нормами, потребитель вправе потребовать замены цифрового продукта, соразмерного уменьшения цены, безвозмездного устранения недостатков либо возмещения расходов на их исправление.

Необходимо также упомянуть Закон РФ «О защите прав потребителей», ст. 14 которого закрепляет имущественную ответственность за вред, причинённый вследствие недостатков товара, работы или услуги. Вред подлежит возмещению, если он возник в течение установленного срока годности или срока службы, либо в течение десяти лет с момента производства, если сроки не установлены [3].

С 30 мая 2025 года в России вступили в силу поправки в Кодекс об административных правонарушениях, значительно ужесточившие ответственность за утечки персональных данных. Федеральный закон № 420-ФЗ от 30 ноября 2024 года внёс существенные изменения в ст. 13.11 КоАП РФ, впервые установив зависимость размера административных санкций от масштаба утечки [6]. Обновлённое законодательство предусматривает следующие меры ответственности:

- первичная утечка данных влечёт штрафы, размер которых зависит от объёма скомпрометированной информации;
- повторные утечки персональных данных могут повлечь оборотные штрафы, достигающие 3% от общей выручки компании;
- максимальный размер штрафа ограничен 500 млн рублей.

Также закон предусматривает уголовную ответственность за неправомерное обращение с личными сведениями, в том числе за их незаконный сбор, хранение, передачу и использование согласно ст. 272.1 УК РФ.

Наблюдаемые изменения отражают стремление законодателя стимулировать операторов персональных данных к инвестициям в защиту информационных систем, поскольку ранее действовавшие штрафы оказались недостаточными для мотивации к обеспечению должного уровня безопасности.

Яркий пример применения норм законодательства об ответственности за недостатки цифровых продуктов содержится в деле № А40-263126/25-121-1089, которое было рассмотрено Арбитражным судом города Москвы [5]. В 2025 году сотрудниками Роскомнадзора в открытом доступе был обнаружен массив из 26 миллионов строк персональных данных, в котором содержались имена и адреса пользователей, личные номера телефонов, а также сведения о совершённых лицами почтовых отправлениях. В ходе расследования было установлено, что утечка информации произошла из систем АО «Почта России». По результатам разбирательства суд признал компанию виновной в нарушении законодательства о персональных данных, в качестве санкции за совершённое правонарушение АО «Почта России» был назначен штраф в размере 150 тыс. рублей. Следует подчеркнуть, что дело рассматривалось в соответствии со старыми нормами законодательства, предусматривающими более мягкие санкции, так как утечка произошла до 20 мая 2025 года. При этом, если бы дело рассматривалось в соответствии с законодательством в новой редакции, то размер штрафа для АО «Почта Банк» был бы увеличен в 100 раз – до 15 млн рублей, что обусловлено существенным объёмом «утёкших» в открытый доступ личных данных клиентов.

Анализ представленного выше судебного решения указывает на несколько существенных проблем, первая из которых уже решается законодателем путём увеличения штрафов за утечки персональных данных. Данная проблема состоит в несоразмерности наказания масштабу причинённого вреда (штраф в 150 тыс. руб. за утечку 26 млн записей персональных данных).

Вторая проблема заключается в ограниченности компенсационных механизмов, так как судом не решается вопрос о возмещении вреда конкретным

потерпевшим, чьи данные оказались «утёкшими» в открытый доступ. Существующая система разделяет административную ответственность перед государством и гражданско-правовую ответственность перед потерпевшими, что приводит к ситуации, когда компания может быть привлечена к ответственности, но при этом реальный вред, причинённый потребителям, остаётся некомпенсированным.

Ещё одна значимая проблема ответственности в рассматриваемой сфере, которая прямо не относится к описанному делу АО «Почта России», но ярко проявляет себя на практике – это проблема распределения ответственности за недостатки цифровых продуктов. Так, Верховный Суд РФ в деле № 5-АД25-119-К2 разъяснил, что ответственность за сохранность персональных данных несёт оператор информационной системы, даже если доступ к данным обеспечивал подрядчик [4]. На практике такой порядок, как представляется, может формировать сложности при определении границ ответственности между различными участниками цифровой экосистемы.

В целях совершенствования системы ответственности за вред, причинённый недостатками цифровых продуктов, в соответствии с выявленными проблемами, могут быть предложены следующие меры:

1. Введение института коллективных исков. Видится целесообразным предусмотреть возможность подачи коллективных исков от лиц, чьи персональные данные были скомпрометированы. Предполагается, что это позволит эффективно защищать права большого числа потерпевших и создаст дополнительные стимулы для компаний соблюдать требования информационной безопасности.

2. Развитие страхования киберрисков. Стимулирование развития рынка страхования ответственности за утечки данных, как представляется, даст возможность сформировать эффективный механизм компенсации вреда потерпевшим и распределения рисков между участниками рынка.

3. Создание специализированных судебных составов. Принимая во внимание техническую сложность дел, связанных с недостатками цифровых продуктов, видится целесообразным создания специализированных судебных составов с привлечением технических экспертов в области информационной безопасности и новейших цифровых технологий.

Таким образом, анализ современного законодательства и судебной практики показывает, что система ответственности за вред, причинённый недостатками цифровых продуктов, находится в стадии формирования. Несмотря на тот факт, что административная ответственность за утечки персональных данных в 2025 году была значительно ужесточена, пробелы в защите прав конкретных потерпевших не устранены и по сей день.

Последние изменения в законодательстве восстановили баланс между масштабом потенциального вреда и размерами применяемых к правонарушителям санкций. Между тем, создание действительно эффективной системы защиты прав потребителей цифровых продуктов и привлечения нарушителей к соразмерной причинённому вреду ответственности требует комплекс мер. К таким мерам, как показал проведённый анализ, можно отнести развитие механизмов коллективной защиты, а также совершенствование компетенций судебных органов в области разрешения споров в «цифровой» сфере.

Представляется, что на данный момент наиболее перспективным является устремление законодателя к формированию системы обеспечивающей, с одной стороны, адекватную компенсацию причинённого вреда и достаточную меру ответственности для правонарушителей, а с другой стороны – формирующую достаточные экономические стимулы для того, чтобы компании предотвращали подобные инциденты в будущем. Иными словами, предполагается целесообразным добиться того, чтобы компаниям было выгоднее вкладываться в надёжную защиту данных клиентов, чем нести ответственность за правонарушения, связанные с утечками персональных данных. Достижение

данной цели требует, как видится, дальнейших углубленных исследований и обсуждений с участием органов власти, представителей бизнеса и непосредственных пользователей цифровых продуктов.

Библиографический список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №5. – Ст. 410; Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru), 24.06.2025. № 0001202506240044.
2. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей» (принят в г. Минске 06.12.2024) // Официальный сайт Союзного государства, 18.12.2024.
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – №15. – Ст. 766; Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru), 28.12.2025. № 0001202512280010.
4. Постановление Верховного Суда РФ от 21.01.2026 N 5-АД25-119-К2 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=876934#sDzT7CViMBuDZSq81> (дата обращения: 17.02.2026).
5. Решение Арбитражного суда города Москвы от 25 ноября 2025 года по делу № А40-263126/25-121-1089 // Электронное правосудие. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1a6a6987-9475-43a1-8721-8ba8a7fcf4cd> (дата обращения: 17.02.2026).
6. Федеральный закон от 30.11.2024 № 420-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – №49 (ч. IV). – Ст. 7411; Российская газета, 29.05.2025.

ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 347.95

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ АПЕЛЛЯЦИОННЫХ И КАССАЦИОННЫХ СУДОВ

Душко Мария Александровна,

студент 4 курса

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,

г. Ростов-на-Дону, Россия,

maria25122016@icloud.com

Курсанова Анастасия Николаевна,

студент 4 курса

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,

г. Ростов-на-Дону, Россия,

kashirskaya_2004@mail.ru

Аннотация: статья посвящена проблемам правового регулирования полномочий судов апелляционной и кассационной инстанций в гражданском процессе. Авторы исходят из того, что эффективность системы обжалования напрямую зависит от соблюдения каждым судом проверочной инстанции своей процессуальной роли. Однако на практике границы между инстанциями стираются.

Ключевые слова: апелляция, гражданское судопроизводство, кассация, пределы, полномочия, судебная защита.

POWERS OF THE COURTS OF APPEAL AND CASSATION IN CIVIL PROCEEDINGS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Dushko Maria Alexandrovna,

4th year student

State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy",

Rostov-on-Don, Russia,

maria25122016@icloud.com

Kirsanova Anastasia Nikolaevna,

4th year student

State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy",

Rostov-on-Don, Russia,

kashirskaya_2004@mail.ru

Abstract: the article is devoted to the problems of legal regulation of the powers of the courts of appeal and cassation in civil proceedings. The authors proceed from the fact that the effectiveness of the system of appeal directly depends on the observance of each court of review of its procedural role. However, in practice, the boundaries between the courts are blurred.

Keywords: appeal, cassation, civil proceedings, judicial protection, limits, powers.

Институты апелляционного и кассационного производства занимают центральное место в механизме судебной защиты. Именно на этих стадиях гражданского судопроизводства происходит исправление ошибок, допущенных нижестоящими судами, и обеспечивается единообразие правоприменительной практики. Стоит отметить, что эффективность работы данных судебных стадий напрямую зависит от того, насколько четко законодатель определяет их полномочия. Если же границы их компетенций размыты или суд самостоятельно выходит за пределы своих полномочий, то система обжалования перестает работать как единый механизм, обеспечивающий наиболее полное и справедливое судебное разбирательство.

Разграничение полномочий судов апелляционной и кассационной инстанций является обоснованным решением законодателя. Разделение компетенций этих инстанций прежде всего обусловлено их правовой природой. Так, апелляция рассматривает дело повторно. Она проверяет и фактические обстоятельства, и правильность применения правовых норм. По своему назначению апелляция должна восполнять недостатки и исправлять ошибки, допущенные судом первой инстанции, принимать новые доказательства, если одна из сторон не смогла предоставить их раньше, принять по результатам рассмотрения апелляционных жалоб или представлений соответствующее решение [1, с. 300]. В свою очередь, кассационная инстанция устроена иначе. Ее задача состоит в проверке законности вступивших в законную силу судебных актов. Она не переоценивает доказательства и не устанавливает новые обстоятельства. Суд кассационной инстанции обеспечивает единообразие судебной практики и устраняет фундаментальные нарушения норм материального и процессуального права [2, с. 299].

Однако на практике, закрепленные в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) полномочия судов апелляционной и кассационной инстанций оказываются размытыми. Так, апелляционные суды нередко отказываются от выполнения своих функций по полноценному пересмотру дела, ограничиваясь поверхностным рассмотрением апелляционной жалобы или представления. В результате этого, апелляция превращается из суда, повторно рассматривающего дело, в формальный орган проверки. Кассация же, напротив, выходит за пределы своих полномочий. Так, например, она нередко вторгается в сферу оценки доказательств. Отменяя судебные акты, она указывает нижестоящим судам, какие обстоятельства следует считать установленными, а какие – нет. Тем самым суд кассационной инстанции зачастую подменяет собой апелляцию.

Особо остро эти проблемы проявляются в вопросах, связанных с основаниями для отмены или изменения судебных актов. Закон устанавливает

два типа оснований: нарушения, которые привели или могли привести к неправильному решению и безусловные основания, при которых решение подлежит отмене независимо от того, повлияло ли нарушение на исход дело. Так, часть 4 статьи 330 и часть 4 статьи 379.7 ГПК РФ предусматривают тождественные безусловные основания для отмены решений судов. К таковым относятся: рассмотрение дела незаконным составом суда, отсутствие протокола судебного заседания, нарушение правил языка судопроизводства и другие [3].

Кроме того, сама структура полномочий апелляции и кассации порождает неопределенность. Апелляция, будучи связанной доводами жалобы и запретом поворота к худшему, не может исправить ошибки в пользу стороны, которая не обжаловала решение [2, с. 223]. Кассация при направлении дела на новое рассмотрение дает указания, которые фактически предрешают исход, лишая нижестоящие суды в некоторой степени самостоятельности.

Исходя из вышесказанного следует, что все эти проблемы имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Прежде всего, они влияют на доступность правосудия, создают риски затягивания процессов и снижают доверие к судебной системе.

Далее перейдем к рассмотрению конкретных проблем в апелляционном и кассационном производстве в гражданском процессе.

Одной из ключевых проблем является выход за пределы компетенции.

В системе пересмотра судебных постановлений в гражданском процессе суды апелляционной и кассационной инстанций выполняют различные, но взаимосвязанные функции: апелляция призвана исправлять фактические и правовые ошибки суда первой инстанции, а кассация – обеспечивать единообразие судебной практики и исправлять фундаментальные нарушения норм материального и процессуального права. Эффективность реализации этих функций напрямую зависит от строгого соблюдения судами установленных процессуальным законом пределов полномочий. Вместе с тем анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что проблема выхода

судов апелляционной и кассационной инстанций за рамки предоставленной компетенции сохраняет свою актуальность [4, с. 83].

Выход за пределы полномочий проявляется в различных формах: апелляционные суды нередко выходят за пределы доводов жалобы, самостоятельно устанавливая новые факты и оценивая доказательства с нарушением правил статьи 327.1 ГПК РФ [3]; кассационные суды, в свою очередь, подменяют апелляционную инстанцию, переоценивая доказательства и фактические обстоятельства, что противоречит статье 390 ГПК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Подобные нарушения подрывают принцип правовой определенности, дестабилизируют окончательные судебные акты и влекут необоснованное затягивание судопроизводства [3].

В контексте исследования проблемы выхода судов апелляционной инстанции за пределы предоставленных полномочий показательным является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2019 № 18-КГ19-152. В данном деле суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции об отказе в иске, принял новое решение об удовлетворении требований, чем допустил сразу несколько нарушений, квалифицированных Верховным Судом РФ как превышение полномочий [5].

Во-первых, апелляция вышла за пределы заявленных исковых требований, разрешив вопрос о правах третьего лица, не заявлявшего самостоятельных требований, что противоречит части 3 статьи 196 ГПК РФ. Во-вторых, суд апелляционной инстанции нарушил положение статьи 327.1 ГПК РФ, фактически введя в спор новые материально-правовые требования, не являющиеся предметом рассмотрения в суде первой инстанции. В-третьих, апелляционное определение было вынесено без учета преюдициального значения вступившего в законную силу приговора, которым установлены виновные действия истца в отношении спорного имущества.

Верховный Суд РФ, отменяя апелляционное определение и оставляя в силе решение суда первой инстанции, указал, что подобный выход за пределы компетенции является существенным нарушением, подрывающим принципы диспозитивности и правовой определенности. Данный пример наглядно демонстрирует превышение полномочий апелляционной инстанцией – подмену предмета спора и разрешение непредъявленных требований.

Рассматривая аналогичную проблему кассационных судов общей юрисдикции – выход за пределы полномочий, наглядным примером является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 5-КГ-140-К2, в котором высшая судебная инстанция выявила существенные нарушения, допущенные кассационным судом общей юрисдикции [6].

По данному делу суд первой инстанции удовлетворил иск Шмидт К. В. о признании сделки недействительной и отклонил встречный иск банка. Апелляция отменила это решение и приняла новое – об отказе в первоначальном иске и удовлетворении встречного. Второй кассационный суд общей юрисдикции, рассмотрев кассационные жалобы, отменил оба судебных акта и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Во-первых, кассационный суд фактически оставил без рассмотрения кассационную жалобу представителя Шмидт К. В., не дав правовой оценки изложенным в ней доводам, и вместо этого по собственной инициативе проверил законность решения суда первой инстанции. Тем самым был нарушен принцип диспозитивности, закрепленный в статье 379.6 ГПК РФ, согласно которому кассационный суд проверяет законность судебных постановлений в пределах доводов жалобы, а выход за эти пределы допускается лишь в интересах законности, но не в ущерб праву заявителя на рассмотрение его жалобы.

Во-вторых, кассационный суд отменил решение суда первой инстанции, которое на момент кассационного рассмотрения уже было отменено апелляционным определением и, следовательно, не вступило в законную силу. В

соответствии со статьями 209 и 376 ГПК РФ объектом кассационного обжалования могут быть только вступившие в законную силу судебные постановления. Проверка данного акта выходит за пределы компетенции кассационной инстанции и свидетельствует о подмене апелляционного пересмотра.

В-третьих, в обоснование отмены судебных актов кассационный суд указал на непривлечение банка в качестве ответчика по первоначальному иску, тогда как из материалов дела следовало, что банк был привлечен к участию в деле в качестве соответчика на основании удовлетворенного ходатайства истца. Принятие судебного акта на основе обстоятельств, не соответствующих материалам дела, выходит за рамки полномочий кассационной инстанции, которая не вправе устанавливать новые или переоценивать установленные факты.

Данный пример наглядно демонстрирует, что превышение полномочий кассационным судом может выражаться не только в переоценке доказательств, но и в нарушении процессуальных границ проверки: проверке не вступивших в законную силу актов, произвольном расширении предмета рассмотрения и игнорировании доводов заявителя.

Таким образом, судебная практика подтверждает необходимость строгого соблюдения процессуальных границ каждой инстанцией, недопустимости смешения функций апелляционного и кассационного пересмотра и важности единообразного применения норм ГПК РФ о пределах полномочий судов.

Следующая проблема будет рассмотрена исключительно для апелляционного судопроизводства – проблема полномочий по направлению дела на новое рассмотрение.

Институт апелляционного производства в гражданском процессе призван обеспечивать повторное рассмотрение дела с целью исправления ошибок, допущенных судом первой инстанции. Одним из наиболее сложных в правоприменительной практике является вопрос о пределах полномочий суда

апелляционной инстанции в ситуации, когда дело направляется на новое апелляционное рассмотрение после отмены ранее вынесенных судебных актов. В таких случаях апелляционный суд сталкивается с необходимостью определить, в каком объеме осуществлять проверку дела: вправе ли он ограничиться формальным согласием с выводами нижестоящего суда, либо обязан заново рассмотреть дело по существу с самостоятельной оценкой доказательств и доводов сторон [2, с. 224].

Отсутствие единообразного понимания данных полномочий нередко приводит к процессуальным нарушениям, выражающимся в оставлении в силе судебных актов, утративших юридическую силу, что в свою очередь затягивает судопроизводство и подрывает принцип правовой определенности.

В контексте исследования проблемы полномочий суда апелляционной инстанции при новом рассмотрении дела показательным является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30.07.2024 № 18-КГ24-97-К4. Данное дело демонстрирует, как неправильное понимание апелляционным судом своих процессуальных возможностей после отмены ранее вынесенных постановлений приводит к нарушению принципов законности и правовой определенности, а также к многократному пересмотру одних и тех же актов [7].

Дело касалось заявления Майданюка С. Г. о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления, апелляция оставила это определение без изменения. Кассационный суд отменил оба акта и направил дело на новое апелляционное рассмотрение. Однако при новом рассмотрении апелляционная инстанция вновь оставила в силе определение суда первой инстанции, фактически согласившись с его выводами.

Верховный Суд РФ отменил апелляционное определение, указав, что апелляционная инстанция неправильно определила объем своих полномочий. После отмены кассационным судом ранее вынесенных судебных актов

определение суда первой инстанции утратило юридическую силу. В такой ситуации апелляционный суд не вправе был оставлять его в силе, а должен был принять новое судебное постановление по существу заявления, самостоятельно исследовав и оценив доводы сторон. Формальное согласие с отмененным актом не соответствует закону и подрывает принцип правовой определенности.

Таким образом, данное определение высшей судебной инстанции иллюстрирует ключевую проблему реализации полномочий апелляционного суда при новом рассмотрении: он обязан исходить из того, что ранее вынесенные акты утратили силу, и не может ограничиваться их простым подтверждением, а должен вынести новое решение по существу.

В системе кассационного производства в гражданском процессе ключевое значение имеет разграничение компетенции между кассационными судами общей юрисдикции и Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ. Проблема дублирования полномочий возникает, когда нижестоящий кассационный суд, вместо проверки законности судебных актов в пределах установленных процессуальным законом границ, фактически подменяет собой суд апелляционной инстанции или переоценивает доказательства, а вышестоящий кассационный суд вынужден исправлять эти ошибки, что приводит к многократному пересмотру дела и размыванию инстанционной системы.

Показательным примером является Определение Судебной коллегии по гражданским делам от 30.01.2023 № 41-КГ22-47-К4. В данном деле суд первой инстанции удовлетворил иск Колесникова А. В. о взыскании задолженности по заработной плате [8].

Апелляционная инстанция отменила это решение, указав, что трудовой договор с генеральным директором общества был заключен с нарушением установленного порядка, а действия истца содержат признаки злоупотребления правом. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, рассмотрев кассационную жалобу истца, отменил апелляционное определение и оставил в

силе решение суда первой инстанции. Свое решение кассационный суд обосновал тем, что апелляция вышла за пределы заявленных требований и не вправе была оценивать экономическую деятельность общества.

Верховный Суд Российской Федерации отменил кассационное определение, посчитав, что кассационный суд превысил свои полномочия. Вместо того, чтобы применить специальные нормы, регулирующие труд руководителей, и дать оценку установленным апелляцией фактам о нарушении порядка заключения договора и злоупотреблении правом, суд ограничился формальной отсылкой к части 3 статьи 196 ГПК РФ. Фактически кассация подменила собой апелляционную инстанцию: пересмотрела доказательства и заранее определила исход дела, хотя делать это она была не в праве.

В итоге Верховному Суду пришлось устранять последствия того, что кассационная инстанция взяла на себя несвойственные ей функции апелляции. Дело по сути прошло лишний круг судебного разбирательства, а четкость инстанционной системы оказалась размыта. Случай наглядно показывает, почему важно строго разграничивать полномочия между кассационными судами общей юрисдикции и Верховным Судом Российской Федерации: это позволит не допускать ситуаций, когда одна инстанция подменяет другую, и сохранит стабильность принятых решений.

В заключении стоит отметить, что проблема выхода судов апелляционной и кассационной инстанций за пределы своих полномочий не сводится к отдельным недостаткам процессуального законодательства. На данный момент существует проблема, когда апелляция перестает быть судом, который полноценно рассматривает дело повторно, а кассационная инстанция начинает, в свою очередь, оценивать факты, тогда как она не наделена такими полномочиями. Вследствие этого судебные инстанции начинают дублировать друг друга, возникает многократное прохождение дела по кругу, что не добавляет качества правосудию, но существенно увеличивает сроки и судебные издержки.

Следует отметить, что такое положение дел трудно исправить лишь внесением изменений в действующее процессуальное законодательство. Так, есть необходимость изменения философии подхода к полномочиям вышестоящих судов. Суд апелляционной инстанции должен восприниматься не как инстанция, которая лишь осуществляет проверку деятельности суда первой инстанции, а как полноценный суд, который вправе и обязан восполнять все допущенные судом нижестоящей инстанции ошибки и недостатки.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что выход судов апелляционной и кассационной инстанций за пределы своих полномочий не сводится только к пробелам в процессуальном законодательстве. Апелляция все чаще не выполняет функцию полноценного повторного рассмотрения дела, а кассация берет на себя оценку фактических обстоятельств. Вследствие этого проверочные инстанции начинают дублировать друг друга, что неизбежно приводит к затягиванию процесса.

Апелляционная инстанция не должна рассматриваться только как суд, осуществляющий формальную проверку решений судов первой инстанции. Она должна обеспечивать конституционное право на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство путем повторного рассмотрения дела по существу.

Роль кассационного суда должна сводиться к контролю за законностью судебных актов: проверке применения норм права и обеспечению единства практики, а не к устранению любых недочетов нижестоящих инстанций. Добиться этого можно не только через законодательные поправки, но и через пересмотр сложившихся правоприменительных подходов.

Библиографический список использованных источников

1. Байдаева Л. В. Апелляция и кассация в гражданском процессе: современные реалии и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2024. N 1. – С. 298 - 305.

2. Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие / Е. А. Борисова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2016 – С. 221-294.
3. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025 с изм. от 23.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026).
4. Жилин Г. А. Полномочия апелляционной инстанции в арбитражном и гражданском процессе: проблемы теории и практики // Закон. 2013. N 4. – С. 83.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2019 № 18-КГ19-152. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2023 № 5-КГ23-140-К2. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.07.2024 № 18-КГ24-97-К4. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2023 № 41-КГ22-47-К4. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

УДК 347.254

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 214-ФЗ

Арбузова Софья Анатольевна,
студентка 3 курса
СПбГУ,
г. Санкт-Петербург, Россия,
sonyaarbuzova17@gmail.com

Аннотация: статья посвящена правовому анализу механизмов защиты прав участников долевого строительства по Федеральному закону № 214-ФЗ. Рассматриваются правовая природа договора участия в долевом строительстве (ДДУ), механизмы раскрытия информации, счета эскроу, компенсационный фонд, а также мораторий на применение ответственности. Выявляются проблемы правоприменения и формулируются направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: договор участия в долевом строительстве, защита прав дольщиков, компенсационный фонд, механизмы защиты, мораторий, счета эскроу, Федеральный закон № 214-ФЗ.

LEGAL ANALYSIS OF MECHANISMS FOR PROTECTING PARTICIPANTS IN SHARED-EQUITY CONSTRUCTION UNDER FEDERAL LAW NO. 214-FZ

Arbuzova Sofia Anatolevna,

third year student

SPbU,

the city of Saint Petersburg, Russia,

sonyaarbuzova17@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the legal analysis of mechanisms for protecting the rights of participants in shared-equity construction under Federal Law No. 214-FZ. It examines the legal nature of the shared-equity construction agreement (SECA), information disclosure mechanisms, escrow accounts, the compensation fund, as well as the moratorium on the application of liability. The study identifies enforcement issues and formulates directions for improving legislation.

Keywords: compensation fund, escrow accounts, Federal Law No. 214-FZ, legal protection mechanisms, moratorium, protection of equity holders' rights, shared-equity construction agreement.

Введение:

Актуальность темы обусловлена особой общественной значимостью правоотношений, складывающихся в сфере долевого строительства. Для значительной части граждан России участие в долевом строительстве (ДДУ) представляет собой основной способ приобретения недвижимости. Характерной чертой данной конструкции является разрыв во времени между этапом внесения платежа и моментом передачи готового объекта, что формирует благоприятную среду для потенциальных нарушений со стороны девелоперов. Институт долевого строительства претерпел масштабную трансформацию, эволюционировав к жестко централизованной системе, действующей в русле Федерального закона № 214-ФЗ от 30.12.2004. Этот закон выступает базовым регулятором, определяющим правила аккумуляции средств участников строительства, основания возникновения прав на объекты и общее имущество.

По сути, он является ключевым охранительным инструментом, ориентированным на обеспечение имущественных прав и законных интересов дольщиков.

Тем не менее, усиление законодательных гарантий не снимает всех острых вопросов: правоприменительная практика регулярно сталкивается с новыми вызовами, требующими осмысления. Целью данной работы является всесторонний анализ существующих механизмов защиты участников строительства, оценка их действенности и идентификация проблемных сегментов, которые нуждаются в приоритетной законодательной корректировке.

Глава 1. Понятие и правовая природа договора участия в долевом строительстве (ДДУ)

Договор участия в долевом строительстве (ДДУ), заключаемый в рамках Федерального закона № 214-ФЗ, представляет собой особую правовую модель, ориентированную на снижение рисков для частного инвестора. Согласно части 1 статьи 4 указанного закона, регулирующего отношения в сфере жилищного и нежилого строительства, застройщик по ДДУ обязуется в установленный срок возвести многоквартирный дом (или иной объект недвижимости), привлекая при необходимости третьих лиц, и после получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию передать его участнику строительства [4]. Последний, в свою очередь, обязан внести предусмотренную договором сумму и принять построенный объект при наличии соответствующего разрешения. Уже на данном этапе проявляется охранительная функция правового регулирования: законодатель закрепляет взаимосвязанные встречные обязательства сторон, что уменьшает неопределенность в их правоотношениях и создает основу для последующего привлечения застройщика к ответственности в случае нарушения договорных условий.

Часть 3 той же статьи устанавливает требования к форме такого соглашения: оно должно быть совершено в письменном виде и пройти

государственную регистрацию — именно с момента регистрации договор считается заключенным. Допускается также оформление в виде электронного документа, удостоверенного усиленной квалифицированной электронной подписью. Государственная регистрация ДДУ выступает ключевым гарантом прав дольщика, поскольку исключает возможность реализации одной и той же квартиры нескольким приобретателям. При отсутствии регистрации застройщик мог бы заключать множественные договоры в отношении одного объекта с разными лицами, что порождало бы коллизию прав. Регистрация же обеспечивает публичную достоверность сведений о правах на объект и тем самым существенно минимизирует риски злоупотреблений со стороны застройщика.

Часть 4 Федерального закона № 214-ФЗ закрепляет исчерпывающий перечень условий, подлежащих обязательному включению в договор долевого участия. К ним относятся: детальное описание объекта недвижимости на основе проектной документации, срок его передачи дольщику, цена и порядок оплаты, гарантийный срок, а также способ обеспечения исполнения обязательств застройщика (эскроу-счета либо взносы в компенсационный фонд) и иные существенные условия. Установление такого перечня также выполняет защитную функцию: оно препятствует заключению формально действительного, но, по существу, «пустого» договора, в котором не определены ключевые параметры обязательств застройщика. Тем самым снижается риск недобросовестного поведения, связанного с уклонением от ответственности под предлогом неопределенности условий.

Законодатель последовательно минимизирует риски дольщика как на этапе исполнения договора, так и в случае наступления непредвиденных обстоятельств. До момента передачи объекта риск случайной гибели или повреждения объекта строительства несет застройщик как профессиональная сторона правоотношений, что освобождает гражданина от последствий событий, на которые он не может повлиять. Аналогичный охранительный подход

реализован и в механизме правопреемства: в случае смерти участника строительства его права и обязанности по ДДУ переходят к наследникам, а застройщик не вправе отказать им во вступлении в договор. Все возникшие из договора права и обязанности, существующие на момент открытия наследства, включаются в наследственную массу в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом. Тем самым обеспечивается стабильность правового положения семьи дольщика, исключается риск утраты вложенных средств и гарантируется преемственность правоотношений, что в совокупности выступает дополнительной гарантией сохранности имущественных интересов граждан.

Изложенное позволяет заключить, что Федеральный закон № 214-ФЗ изначально ориентирован на защиту граждан — участников долевого строительства как экономически более слабой стороны. Уже в статье 4 данного закона заложены основополагающие механизмы такой защиты. Таким образом, правовая конструкция ДДУ представляет собой не простую совокупность обязательственных условий, а комплекс взаимосвязанных правовых инструментов, направленных на снижение рисков дольщика на всех стадиях реализации проекта — от заключения договора до фактической передачи объекта.

Глава 2. Ключевые механизмы защиты прав дольщиков.

1. Одним из ключевых инструментов защиты прав участников долевого строительства, предусмотренных Федеральным законом № 214-ФЗ, является установленная в статье 3.1 данного нормативного акта обязанность застройщика по раскрытию информации. Данное положение призвано обеспечить прозрачность деятельности застройщика и предоставить потенциальному участнику строительства возможность объективно оценить риски, сопряженные с инвестированием средств. Согласно части 1 статьи 3.1, застройщик обязан обеспечить свободный доступ к информации посредством ее размещения в единой информационной системе жилищного строительства (ЕИСЖС).

Юридически значимым признается именно факт опубликования сведений в указанной системе — с этого момента информация считается раскрытой. Такой подход исключает формальное отношение застройщика к обязанности по информированию и гарантирует доступ к данным неограниченному кругу лиц.

Особое значение имеет перечень информации, подлежащей раскрытию. Законодатель обязывает застройщика публиковать, в частности, проектную декларацию, разрешение на строительство и ввод объекта в эксплуатацию, сведения о финансовой устойчивости, проект договора участия в долевом строительстве, а также информацию о ходе строительства (включая регулярное размещение фотографий объекта). Кроме того, раскрытию подлежат сведения о возможных процедурах банкротства, что позволяет участникам долевого строительства своевременно оценить риски недобросовестного или финансово нестабильного застройщика. Следует подчеркнуть, что законодатель устанавливает не только объем раскрываемой информации, но и строгие сроки ее размещения. Например, часть сведений должна быть опубликована до государственной регистрации первого договора участия в долевом строительстве, а изменения подлежат размещению в течение трех рабочих дней. Регулярность обновления информации (ежемесячно — фотографии, ежеквартально — финансовые показатели) обеспечивает актуальность сведений и исключает введение дольщиков в заблуждение. Также, участнику долевого строительства необходимо проверять сведения о застройщике и проекте строительства на специализированных информационных ресурсах, поскольку именно доступ к достоверной информации позволяет минимизировать риски при вступлении в правоотношения долевого строительства. В частности, указывается, что важным является понимание того, «какую информацию необходимо проверять перед тем, как вкладывать денежные средства в долевое строительство, и на каких информационных порталах данная информация размещается» [1, с. 31].

Вместе с тем механизм раскрытия информации имеет и определенные недостатки. Прежде всего, он предполагает активную позицию самого участника долевого строительства, который вынужден самостоятельно анализировать предоставленные сведения, что на практике оказывается затруднительным при отсутствии специальных знаний. Кроме того, сохраняется вероятность несвоевременного обновления либо недостоверности отдельных данных, несмотря на установленную законом ответственность застройщика.

Таким образом, механизм раскрытия информации, безусловно, способствует прозрачности деятельности застройщика и создает условия для оценки сопутствующих рисков. Однако результативность данного инструмента в значительной степени зависит от добросовестности застройщика и способности дольщика корректно интерпретировать полученные сведения, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования рассматриваемого правового института.

2. Механизм счетов эскроу является одним из наиболее значимых инструментов защиты участников долевого строительства, внедренных в рамках реформирования законодательства. Его сущность заключается в том, что денежные средства дольщиков аккумулируются на специальных банковских счетах и не передаются застройщику до момента ввода объекта в эксплуатацию. Внедрение проектного финансирования и использование счетов эскроу направлено на достижение наибольшей защищенности участника долевого строительства, поскольку исключает риск утраты денежных средств в случае неисполнения застройщиком своих обязательств [1, с. 29–30]. Такой механизм позволяет обеспечить возврат средств или их целевое использование, что делает его наиболее эффективной моделью обеспечения ответственности застройщика на современном этапе развития законодательства [1, с. 38–39].

Анализ ст. 15.5 Федерального закона № 214-ФЗ показывает, что защита прав дольщиков обеспечивается через жесткую регламентацию обращения средств на эскроу-счетах. Во-первых, размещение денег допустимо только после

регистрации ДДУ [4], что предотвращает неформальное привлечение инвестиций. Во-вторых, введен императивный режим блокировки [4], исключающий доступ застройщика к средствам до выполнения ключевых условий. В-третьих, финансирование девелопера осуществляется исключительно по факту ввода объекта в эксплуатацию [4], что ставит оплату в зависимость от реального исполнения обязательств. Отдельно стоит отметить механизмы выхода из обязательств: при расторжении ДДУ обеспечивается гарантированный возврат средств [4]. При этом система сохраняет свою устойчивость при уступке прав требований — права по эскроу переходят к новому участнику автоматически [4], не создавая правовых разрывов.

Вместе с тем, несмотря на высокий уровень формальной защищенности дольщиков, отмечается наличие определенных проблем в функционировании механизма счетов эскроу. Например, обратим внимание на отсутствие возможности влияния участника долевого строительства на выбор уполномоченного банка, что может рассматриваться как ограничение его прав. Кроме того, обращается внимание на отсутствие начисления процентов на денежные средства, размещенные на счете эскроу, что в условиях инфляции может приводить к их фактическому обесцениванию. Также существует проблема недостаточной прозрачности использования средств и ограниченные возможности дольщика контролировать ход реализации проекта. Существующая модель не предусматривает гибких механизмов, таких как частичное раскрытие счетов, что может замедлять реализацию строительных проектов и косвенно влиять на интересы участников долевого строительства [2].

Таким образом, несмотря на значительное усиление финансовых гарантий дольщиков, механизм счетов эскроу не лишен отдельных недостатков, требующих дальнейшего совершенствования в целях обеспечения баланса интересов участников долевого строительства и застройщиков.

Выявленные недостатки механизма счетов эскроу могут быть нивелированы посредством дальнейшего совершенствования правового

регулирования. В частности, расширением прав участника долевого строительства при выборе уполномоченного банка либо установление дополнительных требований к таким банкам, направленных на повышение их надежности и прозрачности. Кроме того, возможно рассмотрение вопроса о введении механизма начисления процентов на денежные средства, размещенные на счетах эскроу, что позволило бы компенсировать их обесценивание в условиях инфляции. Также перспективным направлением является развитие инструментов информационной прозрачности и контроля за использованием средств, а в отдельных случаях — внедрение более гибких моделей финансирования, включая возможность поэтапного раскрытия средств при достижении определенных стадий готовности объекта.

3. В системе правовых гарантий, предоставляемых участникам долевого строительства, особое место занимает компенсационный фонд — институт, легализованный статьей 23.2 Федерального закона № 214-ФЗ. Его появление ознаменовало переход от точечных мер защиты к созданию устойчивого финансового механизма, способного аккумулировать ресурсы для восстановления прав граждан в тех случаях, когда застройщик оказывается не в состоянии завершить проект. Формирование фонда, как установлено частью 1 указанной статьи, происходит за счет регулярных отчислений, которые делают сами застройщики. Иными словами, законодатель вменил профессиональным игрокам строительного рынка обязанность солидарно формировать резерв, предназначенный для страховки добросовестных покупателей. Благодаря такой конструкции риски, традиционно присущие долевого строительству, перераспределяются: их последствия в значительной степени абсорбируются коллективным механизмом, а не ложатся целиком на плечи отдельного гражданина. Контрольная составляющая в работе фонда также заслуживает отдельного внимания. Закон наделяет Фонд правом запрашивать у застройщиков бухгалтерскую документацию и иную информацию, позволяющую верифицировать достоверность представленных данных [4]. Тем самым

создаются предпосылки для раннего обнаружения признаков финансового неблагополучия, а сама деятельность застройщиков становится более прозрачной для контролирующих структур.

Ключевой же гарантией для граждан выступает возможность получения компенсационной выплаты [4]. Если застройщик не исполняет взятые на себя обязательства, участник строительства приобретает право на возмещение, что кардинально снижает угрозу безвозвратной потери инвестированных средств. Данный элемент системы защиты по своему эффекту приближается к страховому покрытию, обеспечивая имущественным интересам дольщиков дополнительный уровень устойчивости. Важным нововведением стало также распространение ответственности на лиц, фактически контролирующих застройщика. Часть 4 статьи 23.2 вводит субсидиарную ответственность таких лиц наравне с самим застройщиком. Смысл данной нормы — пресечь практику формального управления, когда реальные бенефициары выводят активы, оставляя дольщиков с несостоятельной компанией. Тем самым повышается общий уровень добросовестности в отрасли.

Впрочем, и этот механизм имеет свои уязвимые стороны. Его природа остается преимущественно компенсаторной: он вступает в действие после того, как права граждан уже нарушены, и не работает как превентивный барьер. Кроме того, процедурные сроки выплат на практике порой оказываются достаточно длительными, что снижает оперативность восстановления прав. Не до конца решенным остается и вопрос о достаточности накопленных средств в случае системного кризиса или массового банкротства застройщиков. Указанные обстоятельства делают очевидной необходимость дальнейшей настройки этого инструмента — в сторону сокращения сроков выплат и усиления гарантий наполняемости фонда.

Резюмируя, можно утверждать, что компенсационный фонд долевого строительства стал одной из опорных конструкций в системе защиты прав граждан-участников строительства. Он не только обеспечивает реальную

возможность возмещения убытков при крахе застройщика, но и позволяет привлекать к ответственности конечных бенефициаров строительного бизнеса. Вместе с тем его эффективность напрямую зависит от скорости выплат и финансовой устойчивости самого фонда, что определяет вектор дальнейших законодательных улучшений.

4. Одним из дискуссионных механизмов регулирования отношений в сфере долевого строительства выступает введение моратория на применение отдельных мер ответственности к застройщикам. Указанный механизм был реализован в целях стабилизации строительной отрасли в условиях экономической нестабильности и направлен на снижение финансовой нагрузки на застройщиков. Сущность моратория заключается в ограничении применения гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств по договорам участия в долевом строительстве. Так, до 31 декабря 2025 года включительно не подлежали начислению, в частности, неустойка за просрочку передачи объекта долевого строительства, неустойка за нарушение сроков устранения недостатков, уменьшения цены договора либо возмещения расходов на их устранение (в случае приобретения объекта для личных нужд), а также штраф за отказ застройщика добровольно удовлетворить требования дольщика. Данный механизм, с одной стороны, направлен на поддержку застройщиков и предотвращение их массового банкротства, что потенциально позволяет завершить строительство проблемных объектов. Однако с другой стороны, он существенно ограничивает объем правовой защиты участников долевого строительства, лишая их эффективных инструментов воздействия на недобросовестного застройщика. Введение моратория приводит к снижению уровня ответственности застройщиков и фактически ослабляет гарантийные механизмы, предусмотренные законодательством о долевом строительстве. В условиях действия моратория дольщик оказывается в менее защищенном положении, поскольку лишается возможности взыскания санкций, стимулирующих надлежащее исполнение обязательств [3, с. 2–3]. Кроме того,

подобные меры носят временный характер, однако их применение может негативно сказаться на балансе интересов сторон, поскольку преимущественно ориентировано на защиту экономических интересов застройщиков [3, с. 3].

Таким образом, мораторий на применение мер ответственности представляет собой исключительный механизм правового регулирования, направленный на поддержку строительной отрасли, однако одновременно снижающий уровень защищенности участников долевого строительства, что свидетельствует о наличии противоречия между публичными и частными интересами в данной сфере.

Заключение:

Федеральный закон № 214-ФЗ закрепляет комплексный механизм защиты прав участников долевого строительства, включающий как организационно-правовые, так и финансовые гарантии. Во-первых, уже на стадии заключения договора законодатель устанавливает исчерпывающий перечень существенных условий и требование государственной регистрации ДДУ, что исключает неопределенность в правоотношениях и предотвращает двойные продажи объектов. Во-вторых, механизм раскрытия информации обеспечивает прозрачность деятельности застройщика, позволяя дольщику оценить риски до момента инвестирования. В-третьих, внедрение счетов эскроу и компенсационного фонда долевого строительства выступает ключевым финансовым гарантом, защищающим средства граждан в случае неисполнения застройщиком обязательств. Вместе с тем анализ указанных механизмов позволяет заключить, что система защиты носит преимущественно компенсаторный характер. Введение мораториев на взыскание неустоек демонстрирует возможность временного ослабления правовых гарантий, что нарушает баланс интересов сторон. Таким образом, существующая правовая модель защиты дольщиков представляет собой сложный, но не лишенный противоречий инструментарий. Дальнейшее совершенствование

законодательства должно быть направлено на устранение выявленных недостатков, в частности на расширение прав дольщиков в рамках механизма эскроу и повышение эффективности компенсационных процедур.

Библиографический список использованных источников

1. Анисина С.В. Требования, предъявляемые к застройщикам в сфере долевого строительства в рамках современного законодательства // Вестник экономики, управления и права. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 29–42.
2. Зарубин А.И. Проблемы применения счета эскроу в долевом строительстве // Исследования молодых ученых: материалы LXXX Междунар. науч. конф. (г. Казань, апрель 2024 г.). – Казань: Молодой ученый, 2024. – С. 44–49.
3. Кузнецов П.А. Проблемы защиты прав участников долевого строительства // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 11(239). – С. 397–400.
4. «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 24.06.2025).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Курносова Полина Ивановна,

студентка 3 курса

Дальневосточный филиал

ФГБОУ ВО ВАВТ,

г. Петропавловск-Камчатский, Россия,

pkurnosova13@mail.ru

Аннотация: статья посвящена изучению экономических аспектов функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации во взаимосвязи с правовыми механизмами её регулирования. На основе анализа бюджетных данных, динамики расходов на содержание учреждений УИС и доходов от привлечения осуждённых к труду выявлены ключевые противоречия между затратной частью системы и её экономической отдачей. Особое внимание уделено проблемам правоприменения, влияющим на эффективность использования трудового потенциала осуждённых, а также социально-экономическим последствиям деятельности уголовно-исполнительной системы для регионов. Сформулированы предложения, направленные на оптимизацию экономической модели уголовно-исполнительной системы в рамках существующего правового поля.

Ключевые слова: бюджетное финансирование, правоприменение, рецидивная преступность, труд осужденных, уголовно-исполнительная система, экономическая эффективность.

**ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE FUNCTIONING OF THE
CRIMINAL SYSTEM: PROBLEMS OF EFFICIENCY AND LAW
ENFORCEMENT**

Kurnosova Polina Ivanovna,

third-year student

Far Eastern Branch of the Federal State

Budgetary Educational Institution

of Higher Education VAVT,

Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia,

pkurnosova13@mail.ru

Abstract: This article examines the economic aspects of the Russian Federation's penal system in relation to the legal mechanisms governing it. Based on an analysis of budget data, the dynamics of penal system maintenance costs, and revenues from inmate labor, key contradictions between the system's costs and its economic returns are identified. Particular attention is paid to law enforcement issues affecting the efficient use of inmates' labor potential, as well as the socioeconomic impact of the penal system's activities on the regions. Proposals are formulated to optimize the economic model of the penal system within the existing legal framework.

Keywords: budget financing, law enforcement, recidivism, inmate labor, penal system, economic efficiency.

Уголовно-исполнительная система (далее – УИС) Российской Федерации (далее – РФ) представляет собой сложный институт государственного

управления, выполняющий не только правоохранительную и карательную функции, но и оказывающий существенное влияние на экономику страны. Функционирование УИС сопряжено с ежегодными расходами федерального бюджета, исчисляемыми сотнями миллиардов рублей, что модернизирует поиск путей повышения экономической эффективности её деятельности. Вместе с тем правовые основы организации и деятельности УИС, закреплённые в Законе РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [2] и Уголовно-исполнительном кодексе РФ [4], создают предпосылки для интеграции осуждённых в производственные процессы, что потенциально может приносить как прямой экономический доход, так и косвенный социально-экономический эффект в виде снижения рецидивной преступности.

Финансирование УИС осуществляется исключительно из средств федерального бюджета. Статья 9 Закона РФ № 5473-1 закрепляет, что финансовое обеспечение функционирования УИС и социальных гарантий её сотрудникам является расходным обязательством РФ. Анализ бюджетных данных свидетельствует о высоком уровне затрат на содержание системы. Так, в 2024 году расходы на функционирование УИС составили 456 млрд рублей, а доходы от производственной деятельности осуждённых – 61 млрд рублей. Таким образом, расходы превышают доходы более чем в семь раз.

По информации на 2024 год, расходы на содержание одного заключённого в России составляют около 400 тысяч рублей в год [3]. В эту сумму включаются затраты на питание, регламентированное приказом Минюста России №126 от 24 ноября 2022 года, медицинское обслуживание в соответствии с приказом Минздрава России №23 от 12 января 2022 года, коммунальные услуги, содержание зданий, а также оплата труда персонала и операционные расходы.

Более детальный анализ показывает, что в 2023 году содержание одного осуждённого в исправительной колонии общего режима обходилось государству в 600 рублей в день, что составляет около 219 тысяч рублей в год, а заключённого

в следственном изоляторе – в 624 рубля в день, или примерно 228 тысяч рублей в год. Несмотря на то, что эти цифры ниже среднего показателя в 400 тысяч рублей, они подтверждают тезис о значительных бюджетных затратах, которые не покрываются текущими доходами системы. Государство получает определённые поступления от реализации продукции, произведённой осуждёнными. Согласно закону о федеральном бюджете, доходы от привлечения осуждённых к оплачиваемому труду в 2024 году планировались в объёме 46,5 млрд рублей, в 2025 году – 46,8 млрд рублей, в 2026 году – 47,2 млрд рублей. Однако в пояснительной записке к проекту федерального бюджета на 2026-2028 годы эти показатели скорректированы в сторону уменьшения [1]: ежегодные поступления ожидаются на уровне примерно 26 млрд рублей, а именно 26,3 млрд рублей в 2026 году, 26,2 млрд рублей в 2027 году и 26,6 млрд рублей в 2028 году. Таким образом, финансовая модель УИС характеризуется высокой степенью дотационности, собственные доходы системы покрывают лишь около 13-15 процентов её расходов, что ставит вопрос о необходимости поиска резервов повышения экономической эффективности.

Одним из ключевых направлений повышения экономической отдачи УИС является привлечение осуждённых к оплачиваемому труду. Правовую основу данного направления составляют статьи 103-107 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, которые закрепляют обязанность осуждённых к лишению свободы трудиться, а также регламентируют условия и оплату их труда. С точки зрения экономики, труд осуждённых обладает рядом особенностей. С одной стороны, он позволяет загрузить производственные мощности учреждений УИС, создаёт дополнительные рабочие места, даёт возможность осуждённым приобретать профессиональные навыки и получать средства для погашения исков и поддержания социальных связей. С другой стороны, существующая правовая модель содержит ограничения, снижающие экономическую эффективность этого труда. Во-первых, это низкая мобильность рабочей силы, поскольку осуждённые привязаны к учреждению, что ограничивает возможности

диверсификации производства. Во-вторых, заработная плата осуждённых, как правило, ниже рыночной, что снижает стимулы к труду и влияет на производительность. В-третьих, устаревшая материально-техническая база многих производственных участков ФСИН снижает конкурентоспособность выпускаемой продукции. В-четвёртых, существуют правовые ограничения на виды деятельности, которыми могут заниматься осуждённые, включая запрет на определённые должности и ограничения по допуску к государственной тайне. Несмотря на эти ограничения, производственный сектор УИС остаётся значимым для ряда регионов. На базе исправительных учреждений создаются производственные комплексы в сферах машиностроения, деревообработки, металлургии, сельского хозяйства. В 2023 году объём продукции, произведённой осуждёнными, составил порядка 60-70 млрд рублей, что позволяет говорить о существенном, хотя и не покрывающем расходы, вкладе в экономику.

Функционирование уголовно-исполнительной системы оказывает многогранное влияние на территории, где расположены её учреждения. Данное влияние может быть как позитивным, так и негативным, причём его характер во многом определяется качеством правоприменения и взаимодействия ФСИН с региональными властями.

К позитивным аспектам следует отнести то, что учреждения УИС, особенно в малых населённых пунктах, нередко выступают градообразующими организациями, обеспечивая занятость гражданского персонала и создавая спрос на местные товары и услуги. Производственная деятельность осуждённых способствует развитию местной промышленности, особенно в тех регионах, где отсутствуют крупные частные предприятия. Профессиональная подготовка осуждённых в период отбывания наказания потенциально повышает их шансы на трудоустройство после освобождения, что снижает нагрузку на региональные службы занятости. Кроме того, участие осуждённых в общественно полезных работах, таких как благоустройство территорий и ремонт объектов социальной инфраструктуры, позволяет экономить муниципальные бюджеты.

Также имеются и негативные последствия. В поселениях, где УИС является единственным крупным работодателем, складывается ситуация монополии, при которой работники оказываются в уязвимом положении. Зависимость местной экономики от бюджетного финансирования УИС делает её уязвимой при любых изменениях федеральной политики. Низкая конкурентоспособность продукции учреждений УИС из-за устаревшего оборудования и особенностей организации труда ограничивает возможности её реализации на открытом рынке. Кроме того, высокая концентрация исправительных учреждений в отдельных регионах создаёт риски криминализации населения и распространения тюремной субкультуры.

Необходимо обратить внимание на проблему недостаточной ресоциализации освобождённых. Согласно данным статистики, уровень рецидивной преступности в России остаётся высоким, ежегодно около 30-40 процентов лиц, освободившихся из мест лишения свободы, совершают новые преступления, что влечёт за собой дополнительные экономические издержки, включая расходы на новые расследования, судебные процессы, повторное содержание в учреждениях УИС, а также наносит ущерб имуществу и здоровью граждан.

Экономическая эффективность УИС не может оцениваться исключительно по показателю соотношения расходов и доходов, необходимо учитывать и социальный эффект в виде снижения рецидива, который напрямую зависит от качества правоприменения и работы служб пробации.

Изучение практики функционирования УИС позволяет выделить ряд системных проблем правоприменительного характера, которые оказывают непосредственное влияние на экономические результаты деятельности системы.

Первая проблема связана с неопределённостью и пробелами в законодательстве. Научные знания, лежащие в основе правовой политики, ограничены и не способны предусмотреть все возможные юридически значимые ситуации. Это приводит к неоднозначному толкованию норм, регулирующих

вопросы привлечения осуждённых к труду, распределения полученных доходов, а также взаимодействия ФСИН с региональными органами власти. Отсутствие чётких механизмов реализации региональных целевых программ, направленных на поддержку УИС, сдерживает эффективное сотрудничество.

Вторая проблема заключается в региональной дифференциации правоприменения. Разные социальные группы и региональные власти по-разному оценивают закон и фактические ситуации, в результате чего правоприменение в различных субъектах РФ может существенно отличаться, несмотря на усилия государства по унификации этого процесса, что создаёт неравные условия для функционирования учреждений УИС в разных регионах и влияет на их экономические показатели.

Третья проблема касается оценки эффективности правоприменения. Классических социологических и юридических исследований, а тем более анализа догмы права, недостаточно для объективной оценки эффективности правоприменения в УИС. Отсутствуют общепринятые методики, позволяющие связать качество правоприменения с экономическими результатами, такими как снижение затрат, рост доходов или уменьшение рецидива.

Четвёртая проблема связана с ненадёжной системой защиты гражданских прав. Большое количество органов, защищающих права граждан в отдельных отраслях права, бюрократическая волокита, неоднозначный институт судебной практики – всё это негативно сказывается на правоприменительной стороне функционирования УИС. Для осуждённых и освобождённых это оборачивается сложностями в восстановлении социальных связей, трудоустройстве и получении социальной поддержки, что напрямую влияет на уровень рецидива и, как следствие, на экономическую нагрузку на государство.

Пятая проблема связана с применением института рецидива. В правоприменительной практике сохраняется ряд сложностей, связанных с квалификацией рецидива преступлений. Возникают вопросы при применении рецидива за преступления небольшой тяжести, а также проблемы

дифференциации наказания при различных видах рецидива. Отсутствие в законодательстве понятия «малоопасный рецидив» ограничивает возможность назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, что ведёт к излишней тюремной нагрузке на УИС и росту её расходов.

С учётом выявленных проблем необходимо предложить ряд мер, направленных на повышение экономической эффективности УИС в рамках существующего правового поля и его дальнейшего развития:

1. Развитие института пробации. Принятие и эффективная реализация Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [5] позволит создать систему ресоциализации освобождённых, снизить уровень рецидива и, соответственно, уменьшить нагрузку на учреждения УИС. Экономический эффект от этого может выражаться как в прямом сокращении расходов на содержание осуждённых, так и в косвенном – за счёт снижения ущерба от преступлений.

2. Расширение полномочий ФСИН в сфере трудовой занятости осуждённых и освобождённых. Целесообразно законодательно закрепить механизмы стимулирования учреждений УИС к развитию производственной деятельности, включая налоговые льготы для предприятий, сотрудничающих с ФСИН, и упрощение процедур размещения государственных заказов на производственных мощностях УИС.

3. Цифровизация и оптимизация управления. Создание единой информационной системы, аккумулирующей данные об осуждённых, их трудоустройстве, профессиональных навыках, состоянии здоровья и социальных связях, позволит повысить эффективность управления процессами ресоциализации и трудового использования осуждённых.

4. Совершенствование кадровой политики. Закрепление возможности дальнейшего прохождения службы сотрудниками, признанными негодными к службе вследствие увечья или заболевания, полученных при исполнении обязанностей, а также введение института краткосрочных контрактов для

выполнения специальных задач позволит сохранить кадровый потенциал УИС, что опосредованно повлияет на экономию средств на подготовку и переподготовку кадров.

5. Дифференциация наказаний и снижение численности осуждённых. Совершенствование правоприменительной практики в части назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, особенно для лиц, совершивших преступления небольшой тяжести, позволит сократить численность содержащихся в учреждениях УИС, что приведёт к существенной экономии бюджетных средств.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что экономические последствия функционирования уголовно-исполнительной системы носят сложный, противоречивый характер. С одной стороны, УИС является высокотратным институтом, требующим значительных бюджетных ассигнований, которые лишь в незначительной степени компенсируются доходами от производственной деятельности осуждённых. С другой стороны, система обладает существенным потенциалом для повышения экономической отдачи, который может быть реализован через совершенствование правового регулирования и правоприменительной практики. Ключевыми направлениями повышения эффективности выступают развитие института пробации и снижение рецидивной преступности, оптимизация правовых механизмов привлечения осуждённых к труду, цифровизация управления, а также совершенствование взаимодействия ФСИН с региональными властями. В долгосрочной перспективе экономическая модель УИС должна эволюционировать от преимущественно затратной к сбалансированной, где социальный эффект в виде ресоциализации осуждённых и снижения рецидива будет признаваться столь же значимым, как и прямые финансовые показатели. Такой подход соответствует как интересам государства, так и принципам правового государства, закреплённым в Конституции РФ.

Библиографический список использованных источников

1. Доходы от привлечения осужденных к труду составят около 26 млрд рублей – 2025 – URL: <https://tass.ru/ekonomika/25197265> (дата обращения: 25.03.2026).
2. Закон РФ от 21.07.1993 №5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) – URL: <https://base.garant.ru/1305321/> (дата обращения: 24.03.2026).
3. Сколько в месяц мы платим за содержание Заключенных в 2024 году – 2024 – URL: <https://dzen.ru/a/ZnaDJK8qkRrVBQtd> (дата обращения: 25.03.2026).
4. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/0844bcb33376fe7ba64f9de457550a2c022849f6/ (дата обращения: 24.03.2026).
5. Федеральный закон от 06.02.2023 №10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) – URL: <https://base.garant.ru/406310197/> (дата обращения: 26.03.2026).

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.1

ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН ПО ДЕЛАМ ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ

Богачева Милана Юрьевна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

milashkaboga@mail.ru

Яковлева София Александровна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

sofiyayakovleva1005@ya.ru

Научный руководитель:

Федюнин Антон Евгеньевич,

д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

aef@bk.ru

Аннотация: В статье анализируются актуальные вопросы прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон по делам частного-публичного обвинения в свете законодательных изменений. Рассматривается реформа, осуществленная Федеральным законом от 7 июня 2025 года №146-ФЗ,

переведшим дела о клевете без отягчающих обстоятельств из категории частного обвинения в частно-публичное. Исследуется противоречие между публичным характером дел частно-публичного обвинения и сохраняющейся зависимостью их возбуждения от волеизъявления потерпевшего. На основе анализа судебной практики Верховного Суда РФ и нижестоящих судов выявляется проблема ограничения процессуальной автономии потерпевшего при сохранении публичного характера преследования. Предлагаются пути решения выявленной проблемы, включая дифференцированный подход к прекращению дел и уточнение критериев оценки обстоятельств по делам частно-публичного обвинения.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, примирение сторон, уголовное дело, уголовный процесс, частно-публичное обвинение.

ISSUES OF TERMINATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS DUE TO RECONCILIATION OF THE PARTIES IN CASES OF PRIVATE-PUBLIC PROSECUTION

Bogacheva Milana Yurievna,

3rd year student

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

milashkaboga@mail.ru

Yakovleva Sofia Aleksandrovna,

3rd year student

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

sofiyayakovleva1005@yandex.ru

Scientific advisor:

Fedyunin Anton Evgenievich,

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
aef@bk.ru

Annotation: The article analyzes the current issues of termination of criminal cases due to reconciliation of the parties in cases of private-public prosecution in light of legislative changes. It examines the reform implemented by Federal Law No. 146-FZ of June 7, 2025, which transferred cases of slander without aggravating circumstances from the category of private prosecution to private-public prosecution. The article explores the contradiction between the public nature of private-public prosecution cases and the continued dependence of their initiation on the victim's will. Based on the analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and lower courts, the problem of limiting the procedural autonomy of the victim while maintaining the public nature of the prosecution is identified. Ways to solve the identified problem are proposed, including a differentiated approach to the termination of cases and the refinement of criteria for assessing the circumstances in cases of private-public prosecution.

Keywords: termination of criminal proceedings, reconciliation of the parties, criminal case, criminal proceedings, private-public prosecution.

Современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации претерпевает существенные изменения, затрагивающие институт прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, в частности, в связи с примирением сторон. Особый интерес представляют вопросы, связанные с делами частно-публичного обвинения, которые занимают промежуточное положение между делами частного и публичного обвинения соответственно. Изменения, внесённые Федеральным законом от 7 июня 2025 года № 146-ФЗ, переводшим дела о клевете без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 128.1

Уголовного кодекса Российской Федерации [4]) из категории частного обвинения в частно-публичное, существенно изменили правовой режим прекращения таких дел по основанию применения сторон [6].

До вступления в силу указанных изменений дела о клевете относились к категории частного обвинения, что предполагало возможность их прекращения в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым на любой стадии процесса, вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Более того, примирение допускалось даже в апелляционной инстанции, но только до удаления судей апелляционной инстанции для вынесения решения. Такая процессуальная конструкция обеспечивала потерпевшему значительную степень контроля над ходом уголовного преследования, позволяя ему в любой момент отказаться от поддержания обвинения в случае достижения примирения с обвиняемым.

Согласно новой редакции ст. 20 УПК РФ [5], дела частно-публичного обвинения, к которым теперь отнесены дела о клевете без отягчающих обстоятельств, возбуждаются также не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, однако прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат. Данное принципиальное отличие от дел частного обвинения формирует новую правовую реальность, в которой потерпевший сохраняет право инициировать уголовное преследование, но лишается, между тем, возможности единолично прекратить его путём примирения с обвиняемым. В таких делах обвинителем выступает прокурор, что придаёт им публичный характер, несмотря на зависимость возбуждения дела от волеизъявления потерпевшего.

Важным аспектом, отраженным в судебной практике Верховного Суда РФ, является дискреционный характер полномочий суда по прекращению уголовных дел за примирением сторон. Из положений статьи 76 УК Российской Федерации и статьи 25 УПК Российской Федерации следует, что примирение с потерпевшим, будучи необходимым, не является единственным условием

освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела на таком основании и не предрешает правоприменительного решения уполномоченного субъекта уголовного судопроизводства. Суд или следователь, дознаватель вправе, но не обязаны безусловно прекращать уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, ввиду лишь факта поступления о том заявления потерпевшего или его законного представителя [3].

В кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2025 года №18-УД25-33-К4 подчеркивается, что суд первой инстанции должен установить все необходимые условия для применения положений уголовного закона, в полной мере учесть категорию преступления, данные о личности подсудимого, а также конкретные обстоятельства дела и характер совершенного деяния [2]. Данное положение указывает на то, что даже в случаях, когда формально имеются основания для прекращения дела по примирению сторон, суд обязан провести всестороннюю оценку обстоятельств дела и личности обвиняемого.

Особенностью дел частного-публичного обвинения является также то, что при оправдании подсудимого суд не сможет взыскать процессуальные издержки с лица, по жалобе которого началось производство по делу. Положение, введенное ранее упомянутым Федеральным законом №146-ФЗ, создает дополнительную защиту для потерпевших, инициирующих уголовное преследование по делам о клевете, и снижает риски злоупотребления правом на судебную защиту.

В современной судебной практике отмечаются случаи, когда вышестоящие суды отменяют решения нижестоящих инстанций по делам о причинении имущественного ущерба и другим преступлениям, рассматриваемым в порядке частного-публичного обвинения. Это говорит о продолжающемся формировании единообразной судебной практики по вопросам прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. В обобщениях судебной практики отмечается,

что ранее такие обстоятельства, как истечение срока давности, примирение сторон, амнистия или смерть обвиняемого могли быть установлены исключительно приговором уголовного суда. Теперь – также судебным актом или даже постановлением следователя, которым итоговый приговор не выносится, а дело прекращается по нереабилитирующим обстоятельствам согласно перечню [1, с. 3].

Проблема, выявленная в ходе анализа современной судебной практики, заключается в противоречии между публичным характером дел частного-публичного обвинения и сохраняющейся зависимостью их возбуждения от волеизъявления потерпевшего. С одной стороны, законодатель, переводя дела о клевете в категорию частного-публичного обвинения, признаёт особую общественную значимость защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан. С другой стороны, сохраняя требование о возбуждении таких дел только по заявлению потерпевшего, законодатель фактически оставляет решение о начале уголовного преследования на усмотрение частного лица. Это создаёт ситуацию, когда публичный интерес в пресечении распространения порочащих сведений оказывается зависимым от субъективного решения потерпевшего, который, в свою очередь, может отказаться от защиты своих прав по различным причинам. Такими причинами могут выступать, например, давление со стороны обвиняемого, материальная компенсация либо простое нежелание лица участвовать в длительных судебных разбирательствах.

Кроме того, лишение потерпевшего права на прекращение дела путём примирения, с одной стороны, усиливает публичный характер преследования, но с другой стороны создаёт высокие риски злоупотребления правом на обращение в правоохранительные органы. Потерпевший, инициировавший уголовное дело, не может впоследствии отказаться от поддержания обвинения даже в случае достижения реального примирения с обвиняемым, что может привести к ситуации, когда уголовное преследование продолжается вопреки воле обеих сторон конфликта. Подобная ситуация, как видится, противоречит принципу

разумности и эффективности уголовного судопроизводства, а также может способствовать возрастанию излишней нагрузки на судебную систему в целом.

Решение данной проблемы видится в дифференцированном подходе к определению возможности прекращения дел частного-публичного обвинения по примирению сторон. Представляется разумным вместо абсолютного запрета на прекращение таких дел предусмотреть возможность прекращения с согласия прокурора и при наличии определённых условий, таких как полное возмещение вреда, публичное опровержение порочащих сведений, совершение действия, направленных на восстановление репутации потерпевшего. Данные шаги, как видится, позволят учесть как публичный интерес в защите нематериальных благ, так и частный интерес сторон в урегулировании конфликта.

Дополнительно представляется нужным уточнить критерии оценки обстоятельств, учитываемых при решении вопроса о прекращении дела. Верховному Суду РФ возможно разработать разъяснения, конкретизирующие обстоятельства, которые должны приниматься во внимание при решении вопроса о прекращении дел частного-публичного обвинения по примирению сторон. Это могло бы включать, например, характер и степень общественной опасности деяния, личность обвиняемого, наличие или отсутствие судимости, характер взаимоотношений между сторонами, степень возмещения вреда и иные, существенные для рассмотрения данной категории дел, факторы.

В заключение следует отметить, что реформа института частного-публичного обвинения, осуществлённая в 2025 году – это попытка найти баланс между защитой публичных интересов и учётом частной воли потерпевшего. Ограничение возможности прекращения дел по примирению сторон по делам о клевете отражает стремление законодателя усилить защиту нематериальных благ граждан, признавая особую общественную опасность распространения порочащих сведений. Однако выявленная проблема противоречия между публичным характером преследования и зависимостью его начала от волеизъявления потерпевшего требует дальнейшего совершенствования

законодательства. Новая судебная практика продолжает адаптироваться к новым правилам, вырабатывая критерии оценки обстоятельств, которые должны учитываться при решении вопроса о прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Предложенные пути решения проблемы, как предполагается, могли бы способствовать достижению более сбалансированного подхода, учитывающего как публичные интересы в сфере уголовного преследования, так и права и законные интересы потерпевших и обвиняемых.

Библиографический список использованных источников

1. Обобщение судебной практики прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям за 2024 г. и первое полугодие 2025 г. на судебных участках мировых судей Дзержинского района г. Оренбурга // Судебный участок №2 мирового судьи Дзержинского района Оренбурга. URL: <https://dz2.kodms.ru/press/obobshenie-sudebnoj-praktiki-prekrasheniya-ugolovnyh-del-po-nereabilitiruyushim-osnovaniyam-za-2024g-i-pervoe-polugodie-2025g-na-sudebnyh-uchastkah-mirovyh-sudej-dzerzhinskogo-rajona-g-orenburga> (дата обращения: 07.03.2026).
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.11.2025 № 18-УД25-33-К4 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=869917#oUnODVxruj77kc4> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – №8.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – Ст. 2954; Официальный интернет-портал

правовой информации (pravo.gov.ru), 29 декабря 2025 года. № 0001202512290022.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №52 (ч. I); 2025. – № (ч.I). – С. 8322.

6. Федеральный закон от 07.06.2025 № 146-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 23. – Ст. 3005.

УДК 343.1

**ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Горюшенков Константин Иванович,

обучающийся 4 курса

Северо-Западного института (филиала)

Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

г. Вологда, Россия,

goryushenkov@inbox.ru

Аннотация: В статье анализируется институт досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе России и Республики Беларусь. Автор рассматривает различия в определениях данного института в уголовно-процессуальных кодексах этих стран и выделяет ключевую проблему: отсутствие четкости в определении статуса обвиняемого, заключившего досудебное соглашение, в процессе рассмотрения основного дела. Основываясь на примерах из законодательства обеих стран, автор указывает на необходимость разработки специальных правил назначения наказания для лиц, которые заключили досудебное соглашение. Также поднимается вопрос о пересмотре приговора в случае неисполнения обязательств по сотрудничеству, обращается внимание на противоречия в правовом регулировании и предлагается предусмотреть механизм пересмотра в уголовно-процессуальном законодательстве. В заключении автор подчеркивает значимость применения международного опыта для совершенствования отечественного законодательства в этой области.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, особый порядок, уголовно-процессуальное право Российской Федерации, уголовно-процессуальное право Республики Беларусь.

**PROBLEMS OF THE PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT
IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW OF THE RUSSIAN
FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS**

Goryushenkov Konstantin Ivanovich,

Fourth-year student
of the North-Western Institute of the
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Vologda, Russia,
goryushenkov@inbox.ru

Abstract: The article analyzes the institute of pre-trial cooperation agreement in criminal proceedings in Russia and the Republic of Belarus. The author examines the differences in the definitions of this institute in the criminal procedure codes of these countries and highlights the key problem: the lack of clarity in determining the status of the accused who has entered into a pre-trial agreement during the consideration of the main case. Based on examples from the legislation of both countries, the author points out the need to develop special rules for sentencing persons who have entered into a pre-trial agreement. The issue of reviewing the sentence in the event of failure to fulfill obligations to cooperate is also raised, attention is drawn to the contradictions in legal regulation and it is proposed to provide for a review mechanism in the criminal procedure legislation. In conclusion, the author emphasizes the importance of applying international experience to improve domestic legislation in this area.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, special procedure, criminal procedure law of the Russian Federation, criminal procedure law of the Republic of Belarus.

Досудебное соглашение о сотрудничестве как отдельный институт появилось в российском уголовном процессе с принятием Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ. Если проанализировать статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, то можно констатировать, что число заключенных досудебных соглашений остается незначительным, но роль данного института в раскрытии преступлений возрастает. Так, в 2023 году судами общей юрисдикции рассмотрено 2556 уголовных дел по данным представлениям прокурора об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [1].

Определение досудебного соглашения о сотрудничестве закреплено в п. 61 ст. 5 УПК РФ, где указывается, что это «соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения» [8].

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК РБ) содержит определение в пп. 4 ст. 6 УПК РБ, которое гласит: «Досудебное соглашение о сотрудничестве – соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств» [7].

Анализируемый институт, несмотря на общие положения, содержит и различия. На наш взгляд, определение, данное в УПК РБ, более полное. Оно конкретизирует стороны (подозреваемый/обвиняемый, прокурор, следователь) и устанавливает конкретные действия этих сторон.

Остановимся на некоторых проблемах правового регулирования и правоприменительной практики.

Наиболее важной проблемой для российского уголовно-процессуального права является фактический отказ законодателя от доказывания в суде обстоятельств совершенного преступления при условии полного признания обвиняемым, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, своей вины.

Безусловно, обстоятельства, указанные в п.п. 1-3 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ, которые относятся к предмету судебного разбирательства по делу подсудимого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, объективно не могут быть установлены в рамках особого порядка судебного разбирательства. Только после вынесения приговора по «основному» делу возможно определить реальную роль в преступной группе и степень выполнения обязательств, взятых при заключении досудебного соглашения, или, наоборот, установить факт дачи им заведомо ложных показаний в отношении соучастников.

При этом возникает вопрос о процессуальном статусе обвиняемого, который заключил досудебное соглашение о сотрудничестве, в процессе рассмотрения «основного» дела. Может ли он выступать свидетелем со стороны обвинения или же продолжает оставаться обвиняемым (подсудимым), поскольку суд первой инстанции еще не оценил его собственное участие в преступной деятельности?

Если руководствоваться положениями ст. 56.1 УПК РФ, то статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, четко не определен. Но вместе с тем законодатель наделяет указанное лицо правами, предусмотренными для свидетеля, за некоторыми исключениями.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 28 июня 2012 года № 16 отмечает, что в судебном разбирательстве по уголовному делу в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу [4]. Тем самым высшая судебная инстанция

разъясняет, что при рассмотрении уголовного дела в особом порядке в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, суд анализирует только материалы, касающиеся действий подсудимого по выполнению обязанностей, взятых на себя.

Так, Череповецкий городской суд Вологодской области, рассматривая уголовное дело в отношении А., установил, что последний оказал содействие органам предварительного следствия в раскрытии и расследовании преступлений, изобличил в совершении преступлений З. и других соучастников, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ на интернет-площадках [6]. Иные обстоятельства дела судом не исследовались.

Для поиска оптимального пути решения этой проблемы полезно вновь обратиться к опыту наших ближайших соседей.

Статья 468 УПК РБ не предусматривает возможность рассмотрения уголовного дела, по которому было заключено досудебное соглашение, в каком-либо особом (упрощенном) порядке. Напротив, законодатель акцентирует внимание на том, что разбирательство уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводится судом по общим правилам судебного разбирательства. При этом предмет доказывания, закрепленный в ст. 89 УПК РБ, при рассмотрении уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, расширяется.

Возникает вопрос и относительно того, на что именно соглашается обвиняемый, тем более подозреваемый, заявляя ходатайство о заключении соглашения о сотрудничестве?

Согласно п. 4, 5, 7 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ, ч. 2 ст. 468 УПК РБ в тексте досудебного соглашения описываются признаки объективной стороны преступления, указывается квалификация деяния, в котором лицо подозревается

(обвиняется), а также нормы уголовного закона, смягчающие наказание, которые могут быть применены в отношении него судом.

Но на момент заключения соглашения неизвестно и не может быть известно, к каким выводам придет суд в результате исследования в судебном заседании обстоятельств, подлежащих доказыванию в силу ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ. Соответственно, в соглашении о сотрудничестве нельзя заранее определить, какие смягчающие наказание обстоятельства будут установлены и учтены судом, а также какие нормы уголовного законодательства будут применены при вынесении приговора.

Так, Президиум Верховного Суда РФ, рассматривая уголовное дело в порядке надзора, установил существенное нарушение норм уголовного закона в части назначения справедливого наказания. По приговору суда, постановленному в особом порядке в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, осужденный Ф. признан виновным в участии в устойчивой вооруженной группе (банде), созданной в целях нападения на граждан и совершенном ею нападении, в покушении на убийство организованной группой, сопряженное с бандитизмом, в незаконных приобретении, хранении и перевозке огнестрельного оружия и боеприпасов и незаконном ношении огнестрельного оружия, в вымогательстве чужого имущества под угрозой применения насилия, группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере [5]. Однако назначенное Кировским областным судом и оставленное Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ наказание превышало установленные законом пределы.

Таким образом, заключая соглашение о сотрудничестве, прокурор от имени государства фактически берет на себя обязательство гарантировать обвиняемому, что в его отношении будут применены особенности назначения наказания. Такой подход представляется неправильным и противоречащим принципам уголовного судопроизводства – осуществления правосудия только судом и свободной оценки доказательств, поскольку вопросы окончательной

уголовно-правовой оценки действий и выбора вида и размера наказания находятся в исключительной компетенции суда, который не может быть связан обязательствами, согласованными сторонами.

В то же время формулировка «могут быть применены» в п. 7 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ не исключает неправильной интерпретации. По сути законодатель допускает отсутствие обязательств у стороны обвинения выполнять условия досудебного соглашения, в то время как для подозреваемого (обвиняемого) неисполнение этих условий влечет негативные последствия.

Оптимальным вариантом представляется разработка специальных правил назначения наказания (освобождения от уголовной ответственности или наказания) лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в отдельной норме Общей части УК РФ, на которую и будет впоследствии делаться ссылка в тексте досудебного соглашения.

Еще одна проблема, которую стоит рассмотреть в данной статье, заключается в том, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует механизм для пересмотра приговора, вынесенного на основании главы 40.1 УПК РФ, если подсудимый дал ложные показания или умышленно скрыл от следствия и суда важные сведения, то есть не выполнил условия досудебного соглашения о сотрудничестве. Ст. 317.8 УПК РФ ссылается на порядок пересмотра, установленный в разделе XV, куда относится кассационный и надзорный порядок. Однако, обстоятельства, указанные в ст. 317.8 УПК РФ, не могут служить основанием для пересмотра приговора в порядке надзора, так как не связаны с нарушением закона, допущенным судом при вынесении решения.

На наш взгляд, законодателю целесообразно было закрепить возможность пересмотра приговора, вынесенного в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, через возобновление производства по уголовному делу на основании вновь открывшихся обстоятельств, как это закреплено в ст. 468 УПК РФ.

В заключении отметим, что изложенные проблемы являются лишь частью критических замечаний к юридической конструкции и содержанию главы 40.1 УПК РФ. Проведенный в рамках данной статьи краткий сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что существуют различные варианты для устранения пробелов и противоречий в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, в том числе с учетом правоприменительной практики стран, являющихся ближайшими соседями и партнерами Российской Федерации. Применение этого опыта в процессе совершенствования отечественного законодательства представляется целесообразным и необходимым.

Библиографический список использованных источников

1. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <http://www.cdper.ru/?id=79> (дата обращения 30.03.2026).
2. Калугин А.Г. Проблемы правового регулирования порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-процессуальном законодательстве России и других бывших республик СССР // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 2 (23). С. 78 – 85.
3. Кобзарев Ф.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовному делу: о некоторых общих проблемах и роли прокурора в их решении // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 244 – 248.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131884/ (дата обращения 30.03.2026).
5. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации по делу № 150-П22 от 01.02.2023 [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу:

<https://sudact.ru/vsrf/doc/eHw9bSec9BNS/> (дата обращения 30.03.2026).

6. Приговор Череповецкого городского суда Вологодской области по делу № 1-979/2020 от 15.10.2020 [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://sudact.ru/regular/doc/E30owQwS50ro/> (дата обращения 30.03.2026).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.06.1999 № 295-З (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2024) [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/kodeksy-respubliki-belarus/> (дата обращения: 30.03.2026).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 30.03.2026).

УДК 343

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ВИДЕОФИКСАЦИИ В
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И
США**

Липатова Милена Витальевна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

Mill-01.12@mail.ru

Сорокина Дарья Андреевна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

sorokinad241@gmail.com

Научный руководитель:

Федюнин Антон Евгеньевич,

д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

aef@bk.ru

Аннотация: в статье сравниваются подходы к видеофиксации уголовного процесса России и США. Если в российских судах видеозапись является естественной процедурой и гарантией гласности, то в США она законодательно ограничена в некоторых штатах. Функцию видеофиксации выполняют судебные художники. В статье показано, что различия обусловлены не техническим функционалом, а различными правовыми традициями.

Ключевые слова: анализ, видеофиксация, гласность, правовая система, судопроизводство, технологии фиксации, традиции, художники.

THE USE OF VIDEO RECORDING IN THE CRIMINAL PROCEEDING: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA AND THE USA

Lipatova Milena Vitalievna,

3rd year student

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

Mill-01.12@mail.ru

Sorokina Daria Andreevna,

3rd year student

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

sorokinad241@gmail.com

Scientific adviser:

Fedyunin Anton Evgenievich,

Dr. of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

aef@bk.ru

Abstract: The article compares the approaches to video recording of the criminal process in Russia and the USA. While video recording is a natural procedure and a guarantee of publicity in Russian courts, it is legally restricted in some US states. Court artists perform the function of video recording. The article shows that the differences are not due to technical functionality, but to different legal traditions.

Keywords: analysis, video recording, publicity, legal system, legal proceedings, recording technologies, traditions, and artists.

Современный этап развития информационно-коммуникационных технологий привел к совершенствованию механизмов взаимодействия правоохранительных органов и судебной ветви власти. Ключевое значение в данном контексте приобрели технологии видеофиксации, которые превратились в важный элемент криминалистического инструментария большинства развитых государств [3, с. 4]. Наиболее показательной иллюстрацией для сравнительного анализа служат процессы внедрения и активного использования видеонаблюдения внутри уголовного процесса таких развитых мировых держав, как Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки (далее - США).

Различия в национальных традициях и особенностях судопроизводства приводят к тому, что использование видеоматериалов в уголовном процессе имеет свою специфику в зависимости от страны, в которой она должна быть реализована. Если на примере России можно утверждать, что видеозапись заседаний судов давно стала привычной процедурой и используется повсеместно, то в ряде штатов США подобная практика запрещена на законодательном уровне, а вместо неё применяют нетипичную практику рисунка. Подобная разница акцентирует внимание на учёте национальных традиций и законодательных ограничений в дальнейшем международном преемстве, поэтому перед введением любых изменений необходимо подробно изучить обе судебные системы и принять во внимание их уникальные черты.

Итак, интерес представляет исследование особенностей и специфики введения современных способов фиксации событий уголовного процесса в судебную систему России и США, выявление специфики и недостатков технологии применения видеофиксации в Российской Федерации и техники «зарисовывания» процесса в США. Следует отметить, что рисунок происходящего в Америке выглядит совершенно иным образом, когда даже

современные технологии не всегда получают широкое применение в силу особых условий местного правопорядка.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве закреплена норма, позволяющая лицам, присутствующим в открытом судебном заседании, вести видеозапись и (или) киносъемку. В части 5 статьи 241 УПК сказано: «Фотографирование, видеозапись и (или) киносъемка, а также трансляция открытого судебного заседания по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» допускается с разрешения председательствующего в судебном заседании.» [2].

Жамкова О. Е. указывает, что «видеозапись судебного заседания позволит повысить гарантии постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора и обеспечить судебную защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [1, с. 3]. Фиксирование хода разбирательства помогает удостовериться в точности свидетельских показаний, выводов экспертов и прочих процессуальных мероприятий в рамках суда.

Правила некоторых штатов США ставят ряд ограничений касемо видеофиксации в ходе уголовного процесса. Они установлены в 53 Правиле Федерального закона уголовной процедуры (Federal Rules of Civil Procedure). Настоящее положение вводит специальное требование, касемо применения записывающего оборудования в судах первой инстанции. Судебная зарисовка, именуемая «courtroom sketch», представляет собой процесс зарисовки специально уполномоченными на то художниками ключевых фигурантов и моментов процесса, широко распространена в странах англосаксонской правовой системы, включая США. Цель данной процедуры состоит в визуальном отображении важнейших аспектов разбирательства при помощи карандаша, пастели или угля, поддерживая принцип приватности, дабы минимально отвлекать участников и сохранить необходимую приватность. Осуществление процесса «зарисовки» происходит следующим образом: художник занимает

специально отведённое место, откуда может наблюдать за процессом, не вмешиваясь в работу судей, адвокатов и обвинителей.

В ходе судебного заседания на художника возлагается задача по визуальному наблюдению и оперативной фиксации поведенческих особенностей подсудимого, а также по отображению общей картины судебного разбирательства. Указанные действия требуют одновременного сочетания аналитического восприятия и высокой скорости зарисовки, что обусловлено необходимостью отражения динамически развивающихся процессуальных событий на материальном носителе. Деятельность судебного художника в условиях ограниченного времени предполагает необходимость оперативной фиксации эмоциональных реакций участников процесса. В частности, задача по отображению на бумажном носителе эмоционального состояния судьи, возникшего в ответ на вербальные действия одной из сторон, требует высокой степени профессионализма и сопряжена с объективными сложностями скоростной зарисовки. В практике создания художественных произведений во время судебного процесса, в частности, в контексте их дальнейшего использования средствами массовой информации, газетами и телевизионными каналами, нередко возникает ситуация предварительного заключения договоров отчуждения исключительного права на произведение до момента фактического завершения творческого процесса. В подобных случаях, когда произведение изобразительного искусства приобретает на этапе эскиза или концепции, на художника возлагаются повышенные временные и творческие обязательства. Данное обстоятельство придает рисунку статус эксклюзивного, поскольку его содержание и форма изначально детерминированы конкретным коммерческим заказом и условиями его дальнейшей публичной демонстрации, что исключает создание тиражирования замысла. У многих художников, которые специализируются на зарисовке судебных процессов, есть собственные веб-сайты, где размещены их работы, в том числе иллюстрации судебных заседаний: Э. Кенни [5], Б. Робблес [6], Э. Уильямс [7].

Спрос на произведения судебной зарисовки не ограничивается деятельностью традиционных средств массовой информации, выступающих в качестве основных заказчиков. Указанные графические материалы представляют интерес для более широкого круга лиц, включая профессиональных участников судопроизводства (юристов, судей), а также иных лиц, присутствующих в зале судебного заседания (стороны процесса, публика).

В случаях, когда судебный процесс приобретает исключительное историко-правовое значение, данные визуальные документы переходят в разряд музейных ценностей. Музеи, реализуя функции по сохранению культурного и юридического наследия, инициируют приобретение таких рисунков в свои фонды. В качестве примера можно привести практику Национального музея Австралии, которым была выкуплена у Австралийской вещательной корпорации (Australian Broadcasting Corporation) серия судебных зарисовок, посвященных резонансному процессу по делу Линды Чемберлейн [4]. Данный случай подтверждает тезис о том, что судебная графика может выступать не только средством массовой информации, но и значимым историческим источником, отражающим эволюцию правовой системы.

Сравнивая методы фиксации судебных заседаний, принятые в России и США, нельзя не заметить, что различия здесь лежат не столько в технической части, сколько в самом понимании цели фиксации и ее дальнейшего использования. В российских судах видеофиксация сегодня воспринимается как естественное продолжение письменного протоколирования. Видеозапись выполняет контрольную функцию, она существует не для публики и прессы, а прежде всего для вышестоящих инстанций и самих участников процесса, чтобы в случае жалобы можно было проверить, точно ли протокол отражает то, что происходило в судебном процессе. По сути, российский подход можно охарактеризовать как стремление к максимальной документальности, к созданию полного и объективного архива процесса. Американская система

исходит из совершенно иной логики. Судебная зарисовка ранее не рассматривалась как способ дословной фиксации. Это способ визуального присутствия прессы при сохранении запрета на видеосъемку. Художник, в отличие от видеокамеры, работает выборочно. Возникает интересный парадокс: рисунок заведомо субъективен, но именно эта субъективность в глазах американского правосудия делает его менее опасным, чем объективность видеокамеры. Камера, с их точки зрения, вторгается в пространство суда слишком грубо, меняет поведение участников, создает эффект театра.

Видеофиксация стремится к полноте, к тому, чтобы запечатлеть каждую минуту, каждую реплику. Зарисовка, напротив, по природе своей фрагментарна. Художник физически не может нарисовать все, он создает скорее визуальный конспект, где важны не слова, а атмосфера, позы, выражения лиц. Российская видеозапись — это доказательство или как минимум основание для проверки законности приговора. Если есть расхождения между протоколом и записью, приоритет будет отдан записи. Американский судебный рисунок доказательством не является. Это продукт для СМИ, иллюстрация, а не юридически значимый документ. Его ценность историческая и художественная, о чем свидетельствует практика музеев, выкупающих такие работы.

Проведенный сравнительный анализ позволяет взглянуть на проблему фиксации судебного разбирательства не как на сугубо технический вопрос выбора между видеокамерой и карандашом, а как на отражение глубинных культурных подходов, сформировавшихся в рамках двух правовых систем. Различия в фиксации судебного процесса в России и США демонстрируют, что за каждым методом стоит своя философия публичности и свое понимание того, что именно подлежит сохранению для истории и контроля. Дальнейшая эволюция методов фиксации будет определяться не столько развитием техники, сколько тем, насколько каждая из систем окажется способна интегрировать новые технологии без утраты собственной идентичности.

Библиографический список использованных источников

1. Жамкова, О. Е. Использование видеозаписи в уголовном судопроизводстве / О. Е. Жамкова // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [федеральный закон: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: по состоянию на 20 февр. 2026 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
3. Фарафонова, О. А. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / О. А. Фарафонова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – № 3 (90).
4. Chamberlain trial drawings // National Museum of Australia: [website]. – URL: <https://www.nma.gov.au/explore/collection/highlights/chamberlain-trial-drawings> (accessed: 12.03.2026).
5. Kenny, A. W. Courtroom sketches / A. W. Kenny // Aggie Whelan Kenny: [website]. – URL: <https://www.aggiewhelankenny.com/courtroom/> (accessed: 13.03.2026).
6. Robles, B. // Bill Robles: [website]. – URL: <https://www.billrobles.com> (accessed: 13.03.2026).
7. Williams, E. // Elizabeth Williams Studio: [website]. – URL: <https://www.elizabethwilliamstudio.com> (accessed: 13.03.2026).

УДК 343

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сорокина Дарья Андреевна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

Sorokinad241@gmail.com

Научный руководитель:

Федюнин Антон Евгеньевич,

д. ю.н., профессор кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

aef@bk.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности института реабилитации по делам частного обвинения в российском уголовном процессе. Рассматриваются проблемы компенсации вреда оправданным лицам, когда обвинение инициировано частным лицом, а не государством. Подчёркивается, что действующий механизм не всегда обеспечивает полноценную защиту прав пострадавших от необоснованных обвинений, а также обсуждаются перспективы модернизации законодательства и возможность установления ответственности недобросовестных частных обвинителей.

Ключевые слова: административная ответственность, гражданское судопроизводство, компенсация вреда, ложное обвинение, моральный вред, необоснованное обвинение, презумпция невиновности, процессуальные издержки, реабилитация, уголовное преследование.

REHABILITATION IN PRIVATE PROSECUTION CASES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Sorokina Darya Andreevna,

3rd year student

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

Sorokinad241@gmail.com

Scientific supervisor:

Fedyunin Anton Evgenievich,

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

aef@bk.ru

Abstract: The article analyzes the features of the institution of rehabilitation for private prosecution in the Russian criminal process. The problems of compensation for harm to acquitted persons are considered when the charge is initiated by a private individual rather than the state. It is emphasized that the current mechanism does not always provide full protection of the rights of victims of unfounded accusations, and the prospects for modernizing legislation and the possibility of establishing liability for unscrupulous private prosecutors are also discussed.

Keywords: administrative responsibility, civil proceedings, compensation for harm, false accusation, moral damage, unfounded accusation, presumption of innocence, procedural costs, rehabilitation, criminal prosecution.

Институт реабилитации систематизировано закреплён в статье 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и в целом выстроен

вокруг идеи компенсации вреда, причинённого государством, в лице его представительных органов – следователей, дознавателей, прокуроров, судей, в пользу лица, подвергнутого уголовному преследованию в результате ошибочных действий [5]. Однако дела частного обвинения требуют иного подхода к реабилитации относительно привычного понимания данной правовой процедуры. В таких делах инициатором уголовного преследования является частное лицо – гражданин, знакомый, сосед по лестничной площадке, партнёр или член семьи, что в конечном итоге может привести к более серьёзным психологическим, материальным и репутационным последствиям от необоснованного обвинения.

Существует мнение, что оправданный по делу частного обвинения может оказаться в более затруднительной ситуации, нежели жертва ошибок самого государства, в плане компенсации вреда. Государственные органы в случае признания своей объективной ошибки готовы возместить ущерб, то есть реабилитироваться в глазах лица, незаконно подвергнутого мерам процессуального принуждения в ходе уголовного производства. Однако возникает вопрос: останется ли государство единственным ответчиком по делам реабилитации, несущим ответственность за ошибки, или же следует установить прямую ответственность для недобросовестных частных обвинителей прямо в нормах Уголовно-процессуального кодекса? Этот затрагивает, в том числе основополагающие принципы уголовного процесса, такие как: справедливое рассмотрение дела судом, ответственность, презумпцию невиновности, ведь в случае ложного, а по сути незаконного обвинения лица, назначение уголовного судопроизводства не будет достигнуто, поскольку виновность лица была установлена судом ошибочно.

Актуальность данной проблемы только возрастает в условиях правовой неопределенности, что отражается не только на практической деятельности судов, и требует модернизации действующего законодательства [2]. Некоторая неясность в применении механизмов реабилитации создаёт риск

безднаказанности для недобросовестных частных обвинителей, действующих с прямым умыслом, и оставляет невинных граждан без защиты от повторения подобных ситуаций.

Согласно Федеральному закону №146-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» к делам частного обвинения стали относить дела, связанные с умышленным причинением лёгкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УПК РФ) и нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ч. 1 ст. 116.1 УПК РФ), которые возбуждаются только по заявлению потерпевшего или его законного представителя и подлежат прекращению в случае примирения потерпевшего с обвиняемым [4].

В связи с изложенным, Л.И. Корчагина в своей научной статье сделала предложение дополнить ч. 1 ст. 133 УПК РФ фразой: «Вред, причинённый гражданину в результате преследования по уголовному делу частного обвинения, возмещается в полном объеме государством, в случае вынесения судом (судьей), незаконного и (или) необоснованного обвинительного приговора или иных незаконных действий суда (судьи), либо частным обвинителем, выдвинувшим необоснованное обвинение» [3, с. 194].

Проблема вменения ответственности частным лицам, чья инициатива и недобросовестность спровоцировали ошибку в дальнейшем уголовном преследовании, инициированном государством, по сей день вызывает научные дискуссии. Суть коллизии кроется в незыблемом, фундаментальном принципе реабилитации, закреплённом в ч. 1 ст. 133 УПК РФ, где чётко прописано: вред, причиненный в результате уголовного преследования, подлежит возмещению государством в полном объеме. То есть, этот подход призванный гарантировать безусловное восстановление прав реабилитируемого, одновременно создает правовой барьер касательно возможности регрессивного требования к

истинному источнику ошибочного обвинения, если таковым является частное лицо.

М.А. Баранова, рассуждая о правовой составляющей реабилитации по делам частного обвинения, делает вывод, что если производство по уголовному делу частного обвинения осуществляет сам обвинитель в порядке, предусмотренном ст. 318-322 УПК РФ, то вред в результате уголовного преследования причиняется им, а не незаконными действиями государства в лице его органов и должностных лиц и возмещению за счёт государства не подлежит [1, с. 49].

С данным выводом сложно не согласиться, поскольку основой для компенсации, производимой государством, является именно факт допущения государственными структурами процессуальной ошибки или неправомерных действий, повлекших за собой ограничение конституционных прав и свобод гражданина. Подобным образом, государство принимает на себя бремя ответственности за ущерб, возникший как следствие его собственной деятельности. Но как это отражается на самом частном обвинителе?

Механизм процессуального производства по делам частного обвинения отличается от классического предварительного расследования. В данном случае инициация и поддержание обвинения целиком и полностью возложены на частное лицо – потерпевшего, который подаёт заявление о преступлении, выступает в качестве обвинителя и доказывает виновность подсудимого, ведь государственные органы в лице следователей, дознавателей и прокуроров не осуществляют уголовное преследование без инициативы частного обвинителя, посредством поданного заявления, они также не формируют обвинительную позицию в делах частного обвинения. Если по таким делам выносятся оправдательный приговор, это означает что несостоятельность обвинения была не столько следствием ошибочных действий государственных органов, сколько результатом инициативы обвинителя, который оказался не способен доказать чужую вину или чьё заявление было необоснованно.

Отсутствие непосредственного участия государственных органов в поддержании обвинения исключает их ответственность за всякую необоснованность дела. Это значит, что пострадавший от несправедливого обвинения вправе настаивать на защите своих прав и установленных законом интересов, а также требовать компенсации вреда лишь в рамках гражданского судопроизводства, посредством предъявления соответствующего требования частному обвинителю, что будет означать совсем иной уровень ответственности для лица.

В связи с этим В.И. Цыганкова полагает, что реабилитационные мероприятия обеспечивают восстановление нарушенных прав граждан, подвергшихся необоснованному уголовному преследованию [6, с. 73]. Их главная цель – устранить негативные последствия, восстановить правовой статус и репутацию пострадавшего, компенсировать моральный и материальный ущерб, причинённый репрессивными действиями государства.

Однако при оправдательном приговоре мирового судьи лицо приобретает право не на реабилитацию в том смысле, который закладывает в него глава 18 УПК РФ, а право на возмещение причинённого лицу вреда в порядке гражданского судопроизводства (ч. 5 ст. 133 УПК РФ), и возможно оно только при злоумышленности частного обвинителя, подавшего заявление по делам частного обвинения для ложного обвинения другого лица.

И того, её особенность заключается в дополнительном доказывании умысла частного обвинителя, направленного на введение следствия и судьи в заблуждение уже в гражданском порядке. Исключением будет право суда взыскать с частного обвинителя процессуальные издержки полностью или частично, в случае оправдания по делам частного обвинения. Возмещение «иногo вреда» не предусмотрено статьями гл. 18 УПК РФ, а использование потерпевшим предусмотренных законом процессуальных возможностей не устраняет публично-правовую природу уголовной ответственности.

Библиографический список использованных источников

1. Баранова М. А. О принципиальной возможности применения положений о реабилитации по уголовным делам частного обвинения / М. А. Баранова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 1. – С. 48–56.
2. Компенсация морального вреда при частичной реабилитации // КонсультантПлюс. – URL: (дата обращения: 03.12.2025).
3. Корчагина Л. И. Реализация права на реабилитацию по делам частного обвинения / Л. И. Корчагина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 4. – С. 191–194.
4. О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. Закон от 07.06.2025 № 146-ФЗ // Парламентская газета. – 2025. – 10 июня.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. От 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
6. Цыганкова В. А. Реабилитация по делам частного обвинения / В. А. Цыганкова // Актуальные вопросы российского права: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 05 июля 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2022. – С. 71–74.

Сфера науки. 2026. Том 1. №2.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №3

Март 2026 г.

В авторской редакции

Научный электронный журнал «Сфера науки»,
350000, г. Краснодар, ул. Володи Головатого, 313,
e-mail – sfera_nauki@mail.ru

Краснодар, 2026